

20 лет.

Модель для сборки
юбилейная книга

Александр Бачило

**Модель для сборки 20
лет: Юбилейная книга**

«Снежный Ком»

2020

Бачило А. Г.

Модель для сборки 20 лет: Юбилейная книга / А. Г. Бачило —
«Снежный Ком», 2020

ISBN 978-5-904919-91-7

Так случилось (конечно, не совсем случайно), что эта прекрасная книга выходит в свет накануне двадцатилетия программы «Модель для сборки», и это астрономическое для нас число никак не идет в голову всерьез... Не осмыслиется... Впрочем, говорят, так и должно быть. Мы постарались собрать лучших из лучших и всё равно не смогли вместить всё, что достойно тут быть. И хотя формат книжного издания крайне мал, чтобы предложить вам всё лучшее, и дает читателю лишь текст, — я уверен, что, листая страницы, вы услышите потрескивание пластинки, а возможно, вам почудится знакомый голос...

ISBN 978-5-904919-91-7

© Бачило А. Г., 2020
© Снежный Ком, 2020

Содержание

Предисловие	5
Алексей Пехов	7
Олег Овчинников	17
Андрей Николаев, Сергей Чекмаев	28
Александр Бачило	40
Леонид Каганов	50
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Модель для сборки 20 лет: Юбилейная книга

Предисловие

Влад Копп, автор, литературный ведущий, «голос» программы:

Привет всем, кто имеет к этому отношение! Поскольку фантастика сопровождает меня с детства, трудно выразить всю глубину признательности авторам этого «несерьезного» жанра. Ведь без фантазии пропадает порыв к движению, которое необходимо всему живому и, уж точно, — мыслящему.

В отрочестве название «Двадцать лет спустя» вызывало ассоциации с астрономическими масштабами. Но! Фокус-покус! Это реально было вчера. «Станция», ночные эфиры, веселье через край, ощущение неминуемого наступающего прекрасного далёка, Дивного Нового Мира! Прогресс налицо, но остается много вопросов. Надеюсь на разум будущих поколений.

Спасибище всем нереальное за поддержку и признание проекта и неизменный интерес к тому, чем мы с вами занимаемся в соавторстве, ибо каждый прочитанный и прослушанный рассказ — это океан эмоций в уникальной Вселенной каждого «незаметно присоединившегося». Будем продолжать в том же духе! Мир вам, люди!

Андрей Эддисон, DJ, продюсер, музыкальный ведущий «Модели для сборки»:
Друзья!

Обычно мы так приветствуем вас из ваших колонок, наушников и прочих аудиогаджетов, и к этому вы, наши слушатели, да и мы — все давно привыкли, и как будто так было всегда... Но сегодня мы впервые обращаемся к вам со страниц книги, и, признаться, это новый и неожиданный для нас опыт, но всегда интересно что-то начинать.

Так случилось (конечно, не совсем случайно), что эта прекрасная книга выходит в свет накануне двадцатилетия программы «Модель для сборки», и это астрономическое для нас число никак не идет в голову всерьез... Не осмыслиется... Впрочем, говорят, так и должно быть.

И поскольку год нынешний для нас юбилейный, праздничный и во всех смыслах особенный, мы решили начать с того, что давно собирались — отметить и поблагодарить наших авторов, лучшие рассказы которых увидят свет в этом сборнике. Жизнь покажет, станет ли он библиографической редкостью спустя какое-то время или нет, но, так или иначе, коллекционерам нашей программы да и, надеюсь, простому читателю будет приятно иметь в своей библиотеке сей артефакт и время от времени перечитывать любимые рассказы.

Мы постарались собрать лучших из лучших и всё равно не смогли вместить всё, что достойно тут быть. И хотя формат книжного издания крайне мал, чтобы предложить вам всё лучшее, и дает читателю лишь текст, — я уверен, что, листая страницы, вы услышите потрескивание пластинки, а возможно, вам почудится знакомый голос...

Желаю вам увлекательнейшего чтения!

Михаил Габович, DJ, музыкальный ведущий «Модели для сборки»:

Вы держите в руках прекрасную книгу, которая является не только прекрасным памятным артефактом, обозначающим двадцатилетие «Модели для сборки», но и дает основания думать, что следующие двадцать лет мы проведем не менее интересно, путешествуя без движения в чудесных фантастических мирах под волшебную музыку. Мы-то уж точно останавливаться на достигнутом не намерены, а история издания этой книги вселила в нас уверенность,

что у МДС, авторов и слушателей впереди сотни эфиров, встреч, книг, музыкальных произведений и много другого. Всё только начинается...

Сергей Чекмаев, писатель-фантаст, литературный редактор «Модели для сборки»:

Здравствуйте, «незаметно присоединившиеся»!

Мне выпала большая честь приветствовать читателей Юбилейного сборника не только как участнику проекта МДС, но и от всех наших авторов, чьи тексты открывают вам дорогу в неизведанное. Сегодня они все здесь, наши постоянные друзья, кто многие годы бескорыстно давал «Модели» свои рассказы и повести. Не пожалейте пяти минут времени – скажите им «спасибо» в социальных сетях и на форумах, в чатах и на личных встречах. Они это заслужили.

Хочу выразить благодарность от нашей команды и всем акционерам, поддержавшим издание этой книги. Первый опыт краудфандинга оказался для нас неожиданно удачным, и уже сейчас, к моменту выхода сборника, мы планируем продолжить работу в подобном ключе.

А вообще, двадцать лет – это только начало. Двадцатилетний человек полон планов, перспектив, надежд на будущее и новых идей. Так и мы. Впереди еще много интересного, «Модель для сборки» не собирается почивать на лаврах! Спасибо тем, кто был с нами все эти годы, двойное спасибо – тем, кто по-прежнему остается рядом, и бесконечное спасибо каждому, кто собирается вместе путешествовать и дальше. Путешествие без движения бесконечно, и двадцать лет – это только начало пути, коротенький отрезок невероятно длинной дороги, наполненной приключениями.

Вы с нами? Вперед!

Алексей Пехов

Последняя осень

Слово автора:

Мое первое знакомство с «Моделью» произошло в далеком 1996 году, когда я, переключая радиостанции, случайно поймал «волну». Да так на ней и остался.

Тогда я даже предположить не мог, что когда-нибудь сам начну писать и мои рассказы будут прочитаны в эфире, я познакомлюсь с Владом Коппом и диджеями, приму участие в записи и увижу, как создается настоящая звуковая магия.

«Модель для сборки» – уникальнейший проект для нашей страны, с талантливыми участниками и преданными поклонниками, многие из которых остаются с ним на протяжении двадцати лет. Остается только пожелать им дальнейшего развития и возвращения в эфир.

Последняя осень

(прочитан на радио NRG 12.02.2007)

В этот солнечный осенний день Василий решил последний раз обойти Лес. Первым делом он побывал возле покинутого комарами и развеселыми лягушками Кикиморового болотца. Кот помнил то счастливое время, когда июньскими вечерами квакушки играли на трубах и саксофонах бархатный блюз и все жители Леса приходили послушать чудесный концерт.

После болота Василий попрощался с мертвой и безмолвной Опушкой Лешего, на минутку заглянул к Трем соснам, но солнечная полянка тоже оказалась пуста. Многие не стали дожидаться последнего дня и ушли в Портал еще до того, как сказка начала умирать. Он их не винил, а даже подталкивал к этому нелегкому решению – оставить волшебный Лес навсегда.

Направляясь к Пьяной пуще, Василий встретил грустного Старого Шарманщика с выводком усталых и зареванных кукол. Увидев кота, старик едва заметно кивнул и перебросил мешок с поклажей Театра с одного плеча на другое.

– К Порталу?

– Да.

– Никого не забыли? – на всякий случай поинтересовался Василий.

– Карабас с Артемоном куда-то запропастились, – всхлипнула очаровательная синеволая кукла. – Я волнуюсь, милорд Смотритель.

– Постараюсь их найти.

Та в ответ благодарно хлопнула носом, покрепче сжала руку носатого паренька, на голове которого красовался смешной полосатый колпак, и поспешила за Шарманщиком.

– Портал закрывается сегодня вечером! – крикнул Смотритель им вслед.

Никто не обернулся. Они и так знали, что сегодня последний день, но Василий считал своим долгом предупредить каждого. И делал это по пять раз на дню вот уже вторую неделю.

Кот направился дальше, кляня Карабаса и его дурного пса. С той поры, как волшебство стало покидать Лес, сторож Театра слишком сильно налегал на вино, и теперь, кто знает, где его искать? Упустит время, и поминай как звали. Василий, недовольно фыркнув, встопорщил усы. Придется искать пропавших, а ведь он еще не побывал в Пьяной пуще и не попрощался со старым дубом возле Лукоморского холма. Даже в последний день Леса у него нашлись дела.

– Привет, кот!

На ветке ближайшей березы сидела толстая ворона.

– Привет, Вешалка. Я думал, что ты уже ушла.

– Ха! – хрипло каркнула та, недовольно нахохлившись. – Во-первых, не ушла, а улетела. И, во-вторых, у меня по всему Лесу заначки сыра. Пока всё не съем, не свалю.

– Смотри, жадность до добра не доводит, – предупредил он. – Сегодня вечером Портал закрывается.

– Твои слова под цвет твоей шерсти, котище, – довольно невежливо фыркнула ворона, но Василий не обратил на это внимания. Он не имел привычки обижаться на старых друзей.

– Мое дело предупредить. Когда волшебство покинет Лес, станешь обыкновенной птицей.

– «Мое дело предупредить»! – сварливо передразнила Вешалка. – Ты хоть и Смотритель, но мне не указ. Ладно, не волнуйся, всего два куса осталось. У Лукоморского холма к вечеру будешь?

– Да.

– Вместе и махнем, шоб мне Лиса перья общипала! Бывай, хвостатый!

– Стой! – поспешно окликнул ее кот. – Ты Карабаса с собакой не видела?

– Карабаса? – уже готовая взлететь, птица призадумалась. – Вроде нет... Спроси у Людо-еда, они с бородатым давние приятели.

– Спасибо, ворона, – поблагодарил Василий.

– Не за что, – каркнула Вешалка. – Ты знаешь, что Феоктист вчера скончался?

– Как?!

– Когда всё стало умирать, Пруд пересох, а водяные без воды... Вначале все его мальки, а потом и он за ними. Не хотел уходить. Говорил, что Лес и Пруд – его дом. Сам ведь помнишь, каким он упрямым был.

– Помню, – вздохнул кот. – Мы с Кошеем так и не смогли уговорить его.

Смерть старого водяного опечалила Василия.

– Кстати, как Кошей? – вдруг заинтересовалась ворона.

– Месяц его не видел. Ладно, у меня еще дела. До вечера.

– Угу, – напоследок угукнула птица и улетела.

Беда нагрянула в Лес вместе с людьми. Сказка, не потерпевшая наглого вторжения, утесалась отсюда, словно вода в песок. А вместе с ней исчезала магия, о которой люди так любят рассказывать детям. Чужакам, нарушившим хрупкое равновесие сказочного мира, было плевать на волшебство. Не обращая внимания на гибель Леса, люди впились зубами в закрытый для них мир. Небылица для человека всего лишь безделушка, рудимент детства, который они таскают в себе и без колебаний отбрасывают в сторону, словно ненужную вещь, как только появляется хоть какой-то повод это сделать.

Крошка-фея называла их браконьерами, Василий – захватчиками, Золушка – убийцами. С охотниками, прорвавшимися в волшебный мир, худо-бедно справлялись, но доступ для обычных людей остался открытым, и магии становилось всё меньше и меньше. Если б не старания Черномора, Мерлина и Гингема, открывших Портал в другой волшебный мир, всех, кто жил в Лесу, можно было бы с чистой совестью записывать в покойники. Поэтому почти все покинули обреченный мир. Но находились и такие, кто не хотел оставлять родные, насиженные места.

Василий аккуратно перешагнул через тоненькую нитку ручья. После того как Пруд начал умирать, ручеек пересох и забился желтыми листьями. Смотритель помнил то время, когда вода с веселым звоном бегала наперегонки с семейством зайцев, что жили на Ромашковой полянке.

Кот остановился и принюхался. Пахло осенью, жареным мясом и чем-то чужим... людским. Решив проверить, в чем дело, Василий пошел на запах. Теперь он уже различал, что наравне с ароматом жаркого явственно тянет гарью и чем-то резким и очень непривычным.

Из-за кустов слышалось басовитое пение:

Как-то раз в одном лесу,
Волк нашел себе Лису,
К дереву ее прижал...

Песенка выходила достаточно пошлой, и Василий понимающе хмыкнул. Он знал, кто любит распевать такие вот песни.

Кот вышел на поляну и принялся наблюдать за весело горланившим здоровенным детишкой. Рядом, свернувшись калачиком и укрыв косматой бородой себя и спящего Артемона, храпел Карабас.

К коту певец сидел спиной. Парень колдовал возле костра, радостно поворачивая вертел, на котором висел уже порядком прожаренный кабан. Василий раздраженно прижал уши к голове, дернул хвостом и произнес:

– Хлеб да соль.

– Ем, да свой! – не преминул ответить громила, а затем, так и не обернувшись, добавил: – Вали своей дорогой, пока я добрый! Али на костер захотел?

– Ты бы обернулся, рыло, – мягко посоветовал детине Смотритель.

– Сам напросился, я хотел быть добрым, – деланно вздохнул грубиян, отвлекся от вертела, взял с травы огромную дубину и только после этого повернул голову.

Маленькие черные глазки, гневно сверкающие из-под рыжих кустистых бровей, нос картошкой, крокодильи зубы, рыжие усы и бакенбарды. Гневная отповедь застряла у великана в глотке, глаза удивленно распахнулись, а дубина поспешно исчезла за спиной.

– Людоед, а Людоед, – Василий театрально поднял лапу, внимательно ее изучил и выпустил когти. – Я ведь тебя предупреждал, чтобы ты заканчивал со своими кулинарными изысками?

– Предупреждал, – промямлил тот, как замороженный наблюдая, как кот убирает и вновь выпускает когти.

– Я ведь неоднократно тебя предупреждал, правда? – лениво произнес гость.

– Правда, – побледнел Людоед.

– Так какого рожна ты вновь занимаешься браконьерством?! Кто разрешил жарить несчастных хрюшек без моего ведома? – рявкнул Василий.

Детина в испуге отскочил назад и едва не угодил в собственный костер.

– Я вот думаю, а на кой ты нам сдался в новом Лесу? – между тем как ни в чем не бывало продолжал кот. – Может, не пускать тебя в Портал? А что? Это идея! Людей здесь будет полно, наешься до отвала, если только они тебя раньше не подстрелят, как Золотую антилопу, мир ее праху.

– Не губи! – взвыл громила, поспешно рухнув на колени. – Лихо Одноглазое попутало! Предложило перекусить, а само в кусты! Этот последний! Больше я их жрать не буду! Мамой клянусь!

– Ты, вроде, говорил это в прошлый раз?

– В прошлый раз он клялся папой, – пробормотал Карабас и, перевернувшись на другой бок, вновь захрапел.

Повисла напряженная тишина. Рыжеволосый стоял ни жив ни мертв.

Кот, конечно, не собирался оставлять на растерзание людям даже такого троглодита, как Людоед. Хотя надо было бы...

– Ладно. На этот раз прощаю. Ради твоей жены.

Людоед, облегченно вздохнув, встал с колен, высморкался в бороду и бросил быстрый взгляд на жаркое.

– Переверни уж, вижу, что подгорает.

Прощенный поспешно кивнул, состроил довольную рожу и крутанул вертел.

– Откуда так воняет? – полюбопытствовал Смотритель.

– Оттуда, – рыжий поначалу ткнул пальцем в небо, а затем в дальний угол поляны, где валялась исковерканная грудa железа. Кое-где из нее еще поднимался черный вонючий дымок.

– И что это?

– А хрен знает, как оно называлось! – Охотник на хрюшек был сама любезность. – Это та фигня, что обычно над Лесом летала.

– М-да? – Кот с интересом уставился на обломки.

В последнее время странная штука донимала всех. Вот уже целую неделю она с ревом носилась над Лесом и пугала его жителей.

– И как оно умудрилось упасть?

– Горыныч постарался! – Людоед усмехнулся и достал из засаленных шорт банку специй. – Гадом, говорит, буду, если не собою эту сволочь перед уходом.

– Он ушел? – Василий помнил, что за уход через Портал была одна голова Горыныча, а против – две.

– С утра еще. Третья смогла убедить Первую. А Вторая башка плюнула и сказала, что тогда тоже пойдет, не оставаться же ей здесь одной?

– А где всадник? В железной птице остался?

– Не... он успел ката... кат... В общем, он пультировался куда-то или что-то в этом роде. Ну а я вот... Гм... Погнался за ним и...

– ...и человек опять от тебя убежал, – безжалостно закончил за него Василий.

Громила покраснел. Он только назывался Людоедом, а на самом деле еще ни разу не пообедал человечинкой, как это положено всякому приличному и уважающему себя каннибалу. Видя страшилище, люди оглашали Лес воплями и задавали такого стрекача, что несчастному детине никогда не удавалось их догнать.

– Смотри, скажу жене, что опять охотился в Заповедной роще... – пригрозил кот. – Она уже ушла?

– Элли? – вопросом на вопрос ответил Людоед.

– А у тебя еще какая-то жена есть? – раздраженно фыркнул собеседник.

– Нет... Ушла два дня назад. Я сейчас откушаю и...

– Элли волки съели! – хором крикнули два выскочивших на поляну бельчонка.

– Кыш! – грозно рыкнул на них великан и потянулся за дубиной. – Только и знаете, что дразниться, мелочь пузатая!

Один бельчонок показал Людоеду язык, другой отчего-то кукиш.

– Дирле и Тирле! – окликнул бельчат Смотритель. – Вы, почему еще не в Портале?

– А мы Нильса ждем! – пискнул Дирле.

– Да-да! Нильса! И гусей! Честно-честно! – ответил Тирле. – А потом мы сразу... в этот... в пр-ротал.

Бельчата юркнули в кусты. На несносных сорванцов никто не мог найти управы.

– Будешь уходить, захвати Карабаса с псом, – попросил Людоеда кот.

– Сделаю.

– Сегодня вечером Портал закрывается, поторопись.

– Уже иду, – в одной руке рыжий держал солонку, в другой – перечницу и мучительно думал, которую из них использовать в первую очередь.

Василий раздраженно фыркнул и, обойдя стороной дымящиеся обломки летающей машины людей, направился по тропинке к Пьяной пуще.

За неделю, что он здесь не был, пуща сильно изменилась, чем неприятно поразила Смотрителя. Конечно же, он знал, что не встретит ни одной птицы, но знать – это одно, а вот видеть

– совершенно другое. Исчезли все. Не было ни сладкоголосых соловьев, ни веселых щеглов, ни заводных жаворонков, ни пронырливых дроздов, ни рассудительных иволг, ни глупых поползней, ни дятлов-барабанщиков, ни ученых сов, ни мудрых филинов, ни желтогрудых синиц, ни скандальных соек, ни трескучих сорок, ни сотен других пернатых, что раньше наполняли лесок кипучей радостью жизни. Не осталось никого. Среди пожелтевших берез и осин властвовала мертвая тишина. Сейчас Пьяная пуца казалась чужой и очень зловещей. Василию до самого кончика его черного хвоста захотелось немедленно отсюда уйти.

– Эй! Есть здесь кто? – тишина слишком давила, и сейчас кот был готов разговаривать сам с собой.

Естественно, на его вопрос никто не ответил.

Смотритель подошел к старой березе, в три прыжка оказался на ее вершине и заглянул в гнездо. Там всё еще лежало яйцо. Как он и предполагал, семья Жар-Птиц улетела через Портал, но яйцо им пришлось оставить. Грустно... Василий вздохнул и слез с дерева.

Он уже собирался уходить, когда в густых кустах колючего можжевельника заметил темный силуэт. Фигура очень напоминала одного из людей-охотников. Незаметно для спрятавшегося Василий выпустил когти. Если это охотник, то он не на того напал и вряд ли сможет добыть себе сказочный трофей. Кот превратился в размытую черную молнию и в одно мгновение оказался возле незнакомца. За секунду до удара он успел остановить лапу. Никакой угрозы не было. Перед ним возвышался Железный Дровосек.

Железный исчез через два дня после открытия Портала. Все отчего-то подумали, что он ушел. Ну, ушел и ушел. Никто не озаботился поисками. Было не до этого. А если еще учесть тот факт, что у нелюдимого Дровосека совсем не было друзей, то никто из жителей Леса и не беспокоился о его исчезновении. Теперь же он был мертв, и его тело покрывал густой слой рыжей ржавчины. Возле ног погибшего лежал топор и масленка. Волшебное масло, вылившееся из нее, образовало на засохшей траве большое грязное пятно. Василий почему-то нисколько не сомневался, что Железный Дровосек сам вылил масло, не оставив себе никаких шансов выжить. Он никогда не хотел покидать Лес, впрочем, как и многие другие. Некоторые предпочли остаться здесь и дожидаться судьбы, какой бы она ни была, или попросту покончить с жизнью.

С тяжелым сердцем кот покинул Пьяную пуцу, уже жалея, что приходил сюда. Теперь она навсегда останется в его памяти не яркой, звонкой и солнечной, а жуткой, умирающей и унылой.

День давно перевалил за середину, тусклое солнце клонилось к закату. Василий побывал на Земляничной полянке, заглянул в дупло, в котором раньше жили Неправильные пчелы, делающие Неправильный мед. Хозяева улетели, золотые соты стали пепельно-серыми. В слабом запахе меда, всё еще витавшем в воздухе, больше не чувствовалось аромата полевых цветов и липы. Теперь здесь пахло чем-то горьким и застарелым, и Смотритель, сморщившись, словно от зубной боли, оставил брошенное дупло в покое. Главное, что Неправильные пчелы убрались в Портал, а не стали жадничать и сидеть до последнего часа на своем драгоценном меде. Кот усмехнулся – будет теперь Пуху забава в новом Лесу. Опять, небось, наклюкается с Пятачком и пойдет пугать истеричных жужжалок, говоря, что он маленькая черная тучка, страдающая большой белой горячкой.

Что-то опрометью выскочило из кустов и едва не врезалось в Смотрителя.

– Всё торопимся? – промурлыкал кот.

Белый пушистый красноглазый Кролик, обряженный в синий бархатный жилет и черный цилиндр, икнул и, рассыпаясь в тысячах извинений, отпрыгнул в сторону.

– Да-да! Да-да! Опаздываю! Какой кошмар! Опять опаздываю!

Его пенсне огорченно сверкнуло. Кролик залез во внутренний карман жилета и выудил большие золотые часы на цепочке. Откинул крышку, посмотрел на стрелки и огорченно цокнул языком.

– До закрытия Портала еще три часа. Все ваши ушли?

– Да... Королева со свитой еще в первый день, Болванщик с Мартовским зайцем вчера, Алису не видел, она чего-то там с Красной Шапочкой мутила.

– А мой родственничек?

– Чеширский? – уточнил Кролик, пряча часы обратно в жилетку. – Он вообще исчез. Поначалу сам, а затем и его знаменитая улыбочка. Правда, вчера мне Бармаглот говорил, что Чешир вместе с Котом в сапогах подались в новый мир, но вы же знаете этого Бармаглота, ваша милость? Он болтать любит.

– Ладно, – сказал Василий, напоследок взмахнув хвостом. – Не буду тебя задерживать.

– И то, верно, опаздываю! – Кролик снял цилиндр и вытер лоб носовым платком.

– Ты откуда эту шляпу взял? – полюбопытствовал Смотритель, с интересом разглядывая маленькое вишневое деревце, растущее между ушей собеседника.

– Шляпу? – Кролик рассеянно покрутил в руках черный цилиндр. – У семейки Мумитроллей. Они ее на крыльце забыли, когда уезжали. А я решил, чего добру пропадать? Вот и приспособил. А что?

– Ты только не волнуйся, – вкрадчиво произнес кот. – Как в новом Лесу окажешься, найди доктора Айболита. У тебя на голове дерево выросло.

Белый Кролик тут же начал стелать, заламывая руки и ныть, почему зря кляня проклятую Морру, подложившую ему такую свинью. Кот усмехнулся в усы. Лучший друг Болванщика всегда был растяпой.

Пройдя через маленькое поле, заросшее высокой пожухлой травой и серебристыми цветами, над которыми не властна была даже осень, Василий вышел к Зачарованному бору. Из-за пожелтевших елок, умирающих от дыхания последней осени ничуть не хуже, чем березы, клены и дубы, внезапно раздалась отборная матюги. На поляне возвышалась здоровенная белая печь с едва дымящейся трубой. Рядом с ней на четвереньках стоял Иван-дурак. Рожа у него была злая, красная и порядком перепачканная. На ковре из еловых иголок в хаотичном беспорядке валялись инструменты.

– Попробуй теперь! – крикнул водила.

– Не фига подобного! – хриплым басом отвечал сидящий на печи Колобок.

– Ты на какую педаль жмешь?

– На эту... которая посерединке!

– А я на какую просил?! – зарычал Иван.

– Не так уж это и просто – жать на педаль, когда нету ног! – оправдался помощник и, основательно повозившись, всё же умудрился на что-то надавить.

Печь загудела, чихнула, выпустила из трубы маленькое вонючее облачко дыма и скисла. Иван вновь матюгнулся, поминая создателей печи вплоть до седьмого колена.

– Бог в помощь, – произнес Василий, выходя из-за елок.

– А... Смотритель. Привет, привет. Вот блин, заглохла, падла, на полпути!

Из ведра, находящегося за спиной Колобка, выглянула Шука:

– Говорила я тебе, пешком надо было идти!

– А весь скарб кто потащит? – огрызнулся дурак, копаясь в грудке гаечных ключей. – Или я, по-твоему, должен переть шмотки на своем горбу?

Действительно, на печи живого места не было от сваленного баракла. Создавалось впечатление, что на ней едет не Иван-дурак, а целая армия Лимонов, вкуче с многочисленной семейкой дядьки Черномора.

Щука ничего не ответила и скрылась в ведре, напоследок ударив хвостом и разбрызгав воду.

– Эй! Зубастая! – обиделся Колобок, на которого попала вода. – Поаккуратней там!

– Давно стоите? – поинтересовался Василий.

– Уже с час. Чего мы только не делали!

Над Зачарованным бором раздался рев, и по небу пронеслась железная птица людей.

– Разлетались, мать их! – выругался Иван, провожая машину взглядом. – Не терпится им...

– Одну хреновину Горыныч сбил, так их теперь в пять раз больше налетело, – вновь высунулась из ведра Щука.

– Пора сваливать, – подытожил Колобок. – А то опять будут бухалки скидывать. Давеча они Великана и Мальчика-с-пальчик убили.

– Да как же мы свалим, если эта рухлядь не заводится?! – взорвался Иван и зашвырнул молоток в кусты.

– А по шучьему веленью? – на всякий случай поинтересовался кот.

– Хренушки! – ехидно отозвалась Щука. – Скажи спасибо людям! Волшебство ушло. Не действует! Ни мое, ни Золотой Рыбки!

– А Рыбка где?

– Здесь она родимая, в ведре, – Колобок соскочил с печи и подкатился к Ивану. – Хотели подвезти до Портала, а вон видите, милорд Смотритель, как обернулось-то?

– Что сломалось хоть?

– Да шут ее знает, – вздохнул Иван, огорченно почесав в затылке. – Всё перебрал и ничего не нашел.

– А дровишки заложить не забыли?

– Я самолично в топку десяток сосновых поленьев запихал! – произнес Колобок.

Дурак в раздражении хлопнул себя по лбу:

– Безногий, ты хоть и башкой вышел, но тупее меня! Какой умник тебя научил сосну пихать?! Печь у меня, отродясь, ни на чем, кроме березы, не фурычила! А я гляжу, чей-то не то! Идет как-то рывками, блин!

– Я ж не знал, – виновато заканючил Колобок.

– Не знал он, – буркнул Иван, подняв с земли топор. – Вытаскивай дрова из топки, а я за березой.

– Как же я их вытащу? – жалобно спросил Колобок. – У меня и рук-то нету.

– А запихивал как?! Так и выпихивай!

Спустя полчаса печь радостно фырчала, разбросанные по земле инструменты были собраны, а Иван-дурак с Колобком весело распевали незатейливую победную песню.

– Смотритель, давай подброшу? – благодушно предложил Иван.

– Вы к Порталу? – на всякий случай спросил кот.

– А то.

– Ну, подбрось, коли не трудно, – согласился он.

Иван дернул рычаг, нажал на педаль, весело гикнул, и печь, гудя и пуская из трубы белый дым, отправилась в путь.

– Ты-то как здесь оказался? – спросил у Колобка Василий.

– А я что? Я своих проводил и к Ивану покатыл. Еще на той неделе обещался ему помочь с отъездом.

– Бабка не переживала, что ты без нее пошел?

– Еще как! Но я ее успокоил, сказал, сегодня прикачусь. Да и не до этого ей было. Курочка Ряба не хотела оставлять Репку, так что...

– Не оставила?

– Нет... Докатили до Портала с грехом пополам. Жучке хвост отдавили... Глянь, осень-то какая!

– Последняя.

– Да не переживайте вы так! – дернул плечом Иван. – Мы ведь живы, и уйти есть куда!

– Надолго ли? – спросила Щука.

– Чего надолго?

– Надолго ли мы задержимся в новом Лесу, говорю? Сказка может уйти и оттуда.

– Не уйдет! – беспечно отмахнулся дурак. – Люди там в нее еще верят, а значит, сказке и Лесу нечего бояться!

– Нью-ню, – пробормотал Колобок, с грустью глядя на мелькающие по краям дороги желтые деревья.

Еще дважды над ними пролетали ревущие машины, но, по счастью, то ли не замечали печь с ее пассажирами, то ли у них были куда более важные дела. Наконец, Зачарованный бор кончился, и печь выехала к Лукоморскому холму.

– Притормози, я тут сойду, – попросил Василий.

Дурак послушно остановил печь, давая коту возможность спрыгнуть на землю.

– Давай, Смотритель, не задерживайся, – сказал на прощанье Колобок. – Уже вечер. Увидимся в Лесу.

– Увидимся, – кивнул Василий. – Я ненадолго.

На холме рос Дуб. Это было единственное дерево во всем Лесу, чьи листья до сих пор оставались зелеными, словно осень не имела над ними никакой власти. Возле дуба сидел облаченный в доспехи человек. Худое, обтянутое пожелтевшей кожей лицо, черные ввалившиеся глаза, крючковатый нос, тонкие губы – всё это делало его похожим на мертвеца. Он неотрывно смотрел на букет бледных нарциссов, лежащих на холмике свежей могилы, в основание которой был воткнут огромный фламберг. Кот никогда не думал, что этот грозный меч когда-нибудь превратится в могильный крест.

– Здравствуй, Кощей.

– Привет, Василий, – ответил тот, не отрывая глаз от цветов.

– Когда?

– Вчера. Рано утром.

– Прости. Я не знал, – неловко пробормотал кот.

– Ничего.

– Как это случилось?

– Как? – Кощей едва заметно пожал плечами, перевел взгляд на пламенеющий горизонт. – Наверное, как и со многими другими. Без волшебства мы умираем.

– Она была слишком сильна, чтобы так умереть.

Друг издал грустный смешок.

– Когда-то ее звали Василисой Прекрасной, но... Ты бы видел, что с нею случилось за последний месяц! Она больше не была прекрасной! Красота исчезла вместе со сказкой! Я не знаю, что произошло, но она стала самой обычной женщиной и не захотела так жить! Она...

Продолжать не имело смысла. Кот и так понял, что произошло. Василиса, как и многие другие, не захотела уходить и выбрала единственный способ...

– Прости, дружище, если бы я только знал... Быть может, я сумел бы ее остановить.

– У меня не вышло ее убедить, а у тебя и подавно бы ничего не получилось. Как они могли? Как?!

– Они – люди. Благодаря им мы существуем и благодаря им – умираем. Такова судьба. Иногда они забывают про сказку, которая живет в них, и Лес погибает. Такое уже было однажды.

– Сказка для них всего лишь бесполезная небылица! Говорят, что дети злы, но взрослые гораздо злее. Зачем они убивают нас?

– Они – люди, – вновь ответил Василий и, сощурившись, посмотрел на заходящее солнце. – Осталось совсем недолго.

– Я не страдаю эскапизмом, – Кощей покачал головой. – Обычно там, где нас нет, хуже, чем там, где мы есть. Стоит ли уходить? Это мой Лес.

– Это и мой Лес, – с нажимом произнес кот. – Не забывай, что я – Смотритель. Но нам надо уйти. Ради...

– Ради кого?! – выплюнул Кощей, и в его глазах полыхнуло пламя. – Ради человеческих детей, которые когда-нибудь вырастут и забудут о нас?!

– Быть может, они будут лучше...

– Быть может... – худые плечи опустились. – Я прожил столько лет, я почти бессмертен. Ты не поверишь, но я очень устал. Устал от этой последней осени. Иногда хочется послать всё к Черномору и сломать ее.

Только сейчас кот увидел в левой руке друга рубиновую иглу.

– Не глупи, – мягко сказал Василий. – Это не выход.

– Для нее это был единственный выход.

– А для тебя – нет. Что я скажу Горынычу? Ты нужен новому Лесу, дружище. Ты нужен сказке.

Он осторожно забрал иглу.

С неба рухнул большой комок перьев.

– Опаздываешь, – произнес кот.

Вешалка выплюнула килограммовый кусок сулугуни и проворчала:

– Угонишься за вами. Думала, последняя ухожу. Спасибо, что подождали старуху.

– Где пропадала?

– Не поверите! – хихикнула ворона. – Уговаривала Избушку на Курьих Ножках свалить, пока не поздно.

– Ну и как? Вышло? – оживился Василий.

– Спрашиваешь! – гордо кивнула Вешалка.

По полю бодрым галопом неслась Избушка. Из нее доносилась отборная брань. Мгновение – и Курьи Ножки исчезли в Портале.

– Неужели Яга перестала упрямиться? – поразился Смотритель.

– Как же! – фыркнула Вешалка. – Старая карга как раз и не хотела никуда уходить. Вопила, что это ее Лес, и она в нем умрет. Только гнездо ее слушать не стало.

Кот приложил лапу к шершавой и теплой коре могучего дуба.

– Прощай, старый друг. Жаль, что ты не можешь пойти с нами.

– Помнишь, как однажды мы обернули его золотой цепью? – совершенно не к месту хохотнула ворона. – И как пьяный Леший усадил на ветки Русалку, а тебе пришлось лезть и снимать дамочку?

– Помню, – улыбнулся кот. – Нам пора. Солнце почти скрылось.

– Я догоню, – глухо сказал Кощей, не спуская взгляда с могилы.

– Уверен? – Василий всё еще боялся, что друг сотворит какую-нибудь глупость.

– Да.

Смотритель внимательно поглядел на Бессмертного и, так ничего и не сказав, начал спускаться с холма. Вешалка, сжимая сыр в клюве, скакала рядом. Возле двери в другой мир они остановились. От солнца остался всего лишь краешек. Минута, может быть, две, и выход закроется навсегда.

– Давай, я сразу за тобой, – сказал кот, и ворона, облегченно кивнув, прыгнула в Портал.

Подбежал запыхавшийся Кощей, разжал кулак, показывая маленький желудь. Бросил прощальный взгляд на могилу, а потом скрылся в синем мареве волшебной двери.

Василий уходил из Леса последним. Очень хотелось обернуться, попрощаться с родным миром, но времени на это уже не оставалось. Он шагнул в арку, оставив позади себя умирающий Лес, последнюю осень и людей, навсегда лишившихся сказки.

Олег Овчинников

Операторы односторонней связи

Слово автора:

Мне очень симпатична «Модель для сборки». Она была бы мне не менее симпатична, если бы в проекте не было ни одного моего текста, но моих текстов там много. Мне нравится, как читает Влад Копп и какую музыку подбирает ему звукооператор.

Я помню, что некоторые мои коллеги сочли чтение их текстов на радио нарушением авторских прав. Если это и нарушение, то, пожалуй, одно из самых приятных. Не так часто у авторов есть возможность услышать, как кто-то другой пропускает их тексты через себя. Да и несколько новых читателей не будут лишними, даже если твое произведение дошло до них через уши. А что делать? Шелест страниц слышен всё реже в наше мультимедийное время.

Операторы односторонней связи

(выложен 25.04.2007)

Привет, я один из тех, кто разговаривает в автобусе. И в кабине лифта, стоя в углу и не обращая внимания на мелькание этажей. И когда поздним вечером вы спешите домой, а я бреду вам навстречу по темной улице. Не потому, что у меня в ухе наушник, а на щеке – модная проволочка «хэндс фри» микрофона. У меня вообще нет мобильного. С кем бы я по нему общался? Даже пейджера нет. Я сам как пейджер.

Я разговариваю сам с собой, так думаете вы. Если вам взбрет в голову понаблюдать за мной, вы заметите, что я говорю разными голосами. Но я не шизофреник. Шизофренику никогда не бывает так одиноко.

Я связист. Или связной. Название не меняет сути. Опс, извините, начинается моя передача.

– Эй, кончайте прикалываться, злыдни! Зачем вы меня заперли? Тоже мне, шуточки... Откройте, я же всё равно выберусь! Дверь вышибу или по пожарке слезу. Слышите? Всё, вышибаю... – Минуту спустя: – Крепкая, черт! Все-таки по пожарке... У-у, шатается!

Кажется, всё.

– Извините, это я не вам. Да, да, мне очень жаль. Я же извинился!.. Сами вы прете! Да вам одной на тротуаре тесно! Езжайте в Индию, там на таких, как вы, молятся. Всё, я сказал!

Ненавижу прохожих-скандалистов! Готовы целый час возмущенно размахивать руками и чесать языком, вместо того чтобы просто сделать шаг в сторону и дать мне пройти. Я же не виноват, что меня периодически накрывает. Можно подумать, я сам выбираю время и место сеанса! Чуть настроение не испортила. Не видно разве: человек на свидание торопится. В чистых брюках. Со стрелочками.

Стрелочки, правда, немного разные получились. Что поделать, маловато опыта... Так ведь они и в швейцарских часах не совсем одинаковые. По слухам.

Всё, вроде успокоился.

О чем я? Об одиночестве? Ладно.

Мы повстречались прошлой осенью, в парке.

Смешное слово «повстречались». Повстречались, повстречались и разошлись? Я не суевен, однако не пожалею ни слюны, ни свежеевыглаженной рубашки, лишь бы такого не случилось. Тьфу-тьфу-тьфу!

«Повстречались» – значит случайно встретились. И познакомились тоже случайно. Только благодаря поделке из цветной бумаги, иначе бы так и остались незнакомыми, случайными, чужими... Я озабоченно пинал опавшие листья: «Середина октября, время продумывать зимний гардероб. А чего тут продумывать? Заштопать свитер, второй... Самый теплый, с оленями, к сожалению, «восстановлению не подлежит», но, если обрезать и подшить рукава, из него получится отличная жилетка. И ветровка – поверх: зимы в Москве дождливые. В общем, как-нибудь перезимуем. Как-нибудь...» Она недовольно сметала листву к обочине: «Середина октября, теплынь, солнышко. Второе лето за год проходит мимо. Даром что бабье...» Я шаркал подошвами, она – метлой. Она работала с прохладцей, я просто прохлаждался. Я вносил элемент хаоса в золотисто-багряное великолепие, в это унылое очарование для очей поэта. Она пыталась его упорядочить, выметая листья чуть ли не у меня из-под ног, собирая их в аккуратные кучки, сильно смахивающие на заготовки для жертвенных костров. Словом, трудно представить себе пару, менее расположенную к знакомству.

Шарик из сиреневого картона мы заметили одновременно. Он лежал посредине пустой скамейки, забытый кем-то или выброшенный. Грани на шарике стали заметны, когда мы подошли ближе, каждый своим путем.

Она остановилась, я склонился над скамейкой. Она протянула к шарiku руку в неуклюжей брезентовой рукавице, я оказался проворней.

– Двенадцатигранник, – сказала она тихим голосом.

– Додекаэдр, – согласился я.

Я уже вертел его в пальцах – правда, тогда он был серый и пластмассовый – давным-давно в кабинете алгебры и геометрии. И думал, что все люди похожи на многогранники. Простые и прямодушные – на кубы, более сложные, «с подтекстом» – на додекаэдры, себя же я с юношеской самоуверенностью причислял к икосаэдрам, сплюшь состоящим из маленьких хитреньких треугольников.

С какой стороны ни посмотри, увидишь всего несколько граней, прочие останутся в тени. На них даже можно написать: «эта сторона – для родителей», «эта – для учителей», «эта – для случайных встречных». И только к тем, кто нам по-настоящему дорог, мы стараемся поворачиваться своими лучшими гранями.

С годами число треугольников поубавилось, граненый бриллиант икосаэдра потускнел и выродился до чего-то угловатого и плоского. Сторона «А» для тех, кто пройдет мимо и не заметит, и сторона «Б» для тех, кто заметит... и пройдет. В частности, к парковой «девушке с метлой» я неосознанно старался повернуться левым боком. На правой щеке третий день белела полоска пластыря, вернее сказать, уже серела – в память о неудачной попытке заточить тупое лезвие одноразового бритвенного станка. Заметив такую странность в своем поведении, я улыбнулся.

– Можно? – Маленькая узкая ладошка вынырнула из рукавицы, превосходящей ее размерами раза в три.

– Пожалуйста. – Я положил на нее наглядное пособие по наивным заблуждениям детства.

– Картонный, – заметила она с легким сожалением. – У нас в классе был пластмассовый.

Сиреневый двенадцатигранник дрогнул под порывом ветра, и мне пришлось придержать его пальцами, чтобы не улетел.

Девушка с метлой бросила на меня короткий взгляд исподлобья и тут же отвернулась. Я успел заметить лишь красное пятнышко расцветающей простуды – слева над верхней губой. На ее стороне «А».

Две минуты спустя она призналась, что ее зовут Лара. Три минуты спустя я всё еще пытался вспомнить собственное имя. Меня так давно о нем не спрашивали, чаще интересуясь регистрацией... А когда вспомнил – не успел назвать.

Знакомый холодок пробежал вверх по позвоночнику, вздыбил волоски на шее, больно клюнул в темечко. Разошелся электрическими волнами по рукам и ногам, нестерпимо засвербел, уткнувшись в кончики пальцев. Я почувствовал приближение сеанса. И даже зубы стиснул от раздражения: до чего же не вовремя!

Впрочем, когда это сеанс наступал вовремя?

Я повернулся спиной к Ларе и успел сделать несколько шагов по дорожке черного и как будто осиротевшего после расчистки асфальта. Начинать передачу в присутствии новой знакомой почему-то не хотелось. Я еще порадовался про себя: начало эфира по непонятной причине задерживалось. Но уйти достаточно далеко мне не удалось.

– Антон! – раздалось за спиной, и я, хоть имя было не мое, резко обернулся.

– Когда же ты приедешь? – немного нервным, но пока еще контролируемым голосом спросила Лара, глядя куда угодно, только не на меня. – Два часа давно прошли, эти люди сказали, что дают тебе еще полчаса. Верни им деньги, Антон, это всего лишь деньги. У тебя же есть, ты говорил...

Я устоял на Лару как в первый раз. Вернее, не «как» – просто в первый раз, поскольку обычно избегаю пристально смотреть на людей, надеясь, что и они в свою очередь проявят тактичность и не станут пялиться на меня в какой-нибудь не самый подходящий момент. То есть практически в любой...

И увидел бледное лицо с тонкими дрожащими губами, которые стали бы выразительнее, не пожалей их обладательница хоть капельку помады. И слипшиеся волосы цвета сырого песка, спадающие на лоб десятком мышинных хвостиков. И выглядывающие из-под челки глаза неопределенной расцветки: не зеленые, не серые, не голубые...

Они и должны быть такими – никакими, глаза связного во время сеанса.

Из-под казенного фартука выглядывали потертые джинсы и мятая трикотажная майка. Стоптаные кроссовки, почти слившиеся цветом с окружающей серостью, завершали ансамбль. Всё сходится. Нам незачем заботиться о внешнем виде. Не для кого.

– Антошечка, милый, приезжай поскорее, пожалуйста! Мне не нравится, как на меня смотрит этот лысый!

Взгляд в никуда, закушенные губы... Я не в первый раз наблюдал передачу со стороны. А вот собственной шкурой почувствовал начало сеанса – чужого сеанса – пожалуй, впервые. Почему бы?

Впрочем, когда посланное сообщение нащупывает надлежащий пейджер, оно тоже сперва пару секунд трещит и булькает помехами в случившемся на пути луча телевизоре, радиоприемнике, даже в электрических розетках. Говорят...

И вдруг громко, не своим – с самого начала не своим, но теперь к тому же полным отчаяния – голосом:

– АНТОН! Я БОЮСЬ!

Всё.

И сразу – распахнутый рот, два судорожных вдоха без промежуточного выдоха, изломанная поза с упором на рукоять метлы и прорвавшаяся плотина слез. Истерическая реакция. К слову сказать, не самая худшая.

Я уже был рядом. Обнимал за плечи – неловко, как умею. Ничего не говорил, только гладил по волосам, как будто успокаивал десяток дрожащих мышечек. А что тут скажешь? Что всё прошло? Что всё уже кончилось? И в любой момент может начаться опять?

Это она и без меня знает.

– Почему она не сказала адрес? Телефон? – слабым, но уже собственным голосом пожаловалась Лара. – Хотя бы фамилию! Я могла бы приехать, поднять на уши соседей. Или, я не знаю, позвонить в милицию. Господи, ну почему они никогда не говорят фамилию и адрес!

Я сжал покрепче худые вздрагивающие плечи и порадовался тому, что парк в этот час практически безлюден. Только вдалеке по одной из боковых аллеек прогуливалась молодая пара с детской коляской. Счастливые... За собственными большими радостями и мелкими заботами им дела нет до тетки в дворничком фартуке, которая сначала закатила шумную истерику, а потом бросилась на шею своему невзрачному кавалеру – мириться. Кстати, так и не выпустив из рук верное орудие труда. Вот и стоят в обнимку все трое: он, она и метла.

– Не злись, – посоветовал я. – Они ведь даже не догадываются, что мы их слышим. Думают, что кричат в пустоту.

Потом вздохнул и добавил:

– Лучше бы так оно и было.

Я проходил это. По молодости тоже пытался отыскать, помочь. И рядовому запаса, которого бросила невеста. И выжившему из ума старику, который во время прогулки сбежал от сиделки, гордился своей проделкой минуты три, а после до глубокой ночи искал собственный дом. И особенно студентке, забывшей в автобусе папку с дипломной работой. Все три отпечатанных под копирку экземпляра, за несколько дней до защиты. До чего же мне хотелось ее найти! Но как? Бегать по улицам, заглядывать в глаза?.. В надежде узнать, успокоить, объяснить, что есть на свете вещи и похуже потерянной папки. И получше – тоже есть.

Ведь иногда человеку нужно так немного, чтобы перестать чувствовать себя несчастным. Хватит и доброго слова. И теплого взгляда.

А однажды, два года назад, я не выдержал. Мне неделю не давала покоя девочка лет пяти. Днем еще ничего, по-видимому, в детский сад ее возили куда-то в отдаленный район, зато по вечерам она стабильно с 21 до 23:00 рыдала о пропавшем щеночке. Видимо, лежа в постели. Видимо, отвернувшись к стенке и уткнувшись лицом в подушку, чтобы не услышали родители. Причем по чистоте сигнала было ясно, что его источник находится где-то рядом. Девочка жила в моем дворе, максимум в соседнем, и ее огнюдь не маленькая трагедия не давала мне спать по ночам.

Я обегал весь район. Заглянул во все подвалы, незапертые подсобные помещения и расщелины между гаражами. И наконец нашел это курчаво-пятнистое чудо (благо из сбивчивых жалоб девочки успел составить примерный портрет пропажи) на двенадцатом этаже строящегося неподалеку дома. Само оно туда забралось или затащили хулиганы-мальчишки – щенок не отвечал. Только скулил и жался к полу. Я взял его домой, накормил, согрел. На следующее утро обвешал все столбы в районе образцами своего почерка. «Найден щенок, порода неопределенная, окрас – все цвета радуги, кроме, кажется, зеленого. Потерявшим убедительная просьба...»

И еще неделю после этого сам зарывался головой в подушку, чтобы не слышать невыносимое «Кузя, где ты?». Но подушка не влияла на четкость сигнала, а от детского голоса подолгу болели связки.

Пятилетняя девочка не умела читать. А ее родители либо не замечали моих объявлений... либо хулиганы-мальчишки были тут ни при чем.

Через неделю сеансы связи пошли на убыль. Детское горе недолговечно. Я хотел оставить щенка себе. Потом подумал и отдал в приют. Кому нужен такой хозяин.

Кому мы вообще нужны...

– Мы? – Лара подняла на меня глаза – два стоячих омута, готовые в любое мгновение снова стать проточными, и повторила за мной: – Мы их слышим? Ты тоже?

– Тоже, тоже.

Недоверчивый взгляд... пожалуй, что карих глаз.

– А... давно?

– Четырнадцать лет. А ты?

– Шесть. Шесть с половиной. Мне тогда пришлось уйти с четвертого курса.

Я вздохнул, поделив сочувствие на три части: себе, Ларе и шарiku из сиреневого картона, смятому до неузнаваемости во время сеанса. Это я тоже проходил. Таким, как мы, об учебе лучше забыть. И о нормальной работе лучше забыть. Особенно о той, которая предполагает частое общение с людьми. Не только потому что тебе в конце концов надоедают косые взгляды коллег и клиентов, ставших невольными слушателями не им адресованной передачи, просто... В какой-то момент ты понимаешь, что не очень-то хочешь видеть людей. Всех, без разбора, со всеми их слабостями, проблемами и душевными воплями.

Кажется, как раз для таких, как мы, придуманы профессии дворника, ночного сторожа, кочегара в котельной... Правда, последний в случае затянувшегося сеанса рискует оставить весь район без горячей воды.

В Лариной каптерке, похожей на поставленный на попа цинковый гроб, обнаружилась вторая метла. Старая, но мела она, вопреки пословице, чище новой.

А поговорить под слаженное вжиканье метел нам было о чем.

– У тебя было так, чтобы с риском для жизни?

– Сто раз! Дважды – когда дорогу переходил. Потом еще раз, когда в трамвай садился. Ну и на день города – просто в толпе. Чуть не затоптали.

– А остальные девяносто шесть?

– Лара! Не будь занудой.

И под гулкое уханье лома:

– А в самый первый раз, когда тебя накрыло, ты что подумал?

– То же, что и все, кто как раз оказался рядом. Что схожу с ума.

– А тебя забирали... Ну, в больницу?

– Шутишь? Меня бы оттуда никто не выпустил. Столько абонентов под боком, передачи шли бы без перерыва. Круглосуточно! Нет, больницы с поликлиниками я обхожу за километр.

– И дома престарелых.

– И роддома.

– О-ой! Не напоминай!.. А как ты думаешь... Почему это случается именно с нами?

– Не знаю.

– А... это когда-нибудь кончится?

– Не знаю.

– А...

– Лариса! Если я буду так часто пожимать плечами, тебе придется долбить лед в одиночестве.

И под скрежет деревянных лопат по асфальту.

– А как ты чувствуешь, что вот сейчас тебя абонируют?

– Ларусь! – Предыдущее придуманное мною ласковое прозвище Ларек почему-то не прижилось. – Мне не нравится, когда ты говоришь «абонируют». Я же не лежа в театре и не банковская ячейка.

– Ну, вызывают.

– Да что я чувствую... Холод чувствую. Мурашки. И покалывание. Голова болит.

– Виски или затылок?

– Темечко. О! Кстати, вот... накликали! Извини... Эй! Какой умник опять засунул Кешу в мусоропровод? Вы что, думаете, это смешно, что ли? Ну, погодите, оболтусы, вот поймаю... Иди сюда, Кешенька, сладкий мой... Фу, какой же ты грязнуля!

Тридцать первого декабря перед началом рабочего дня Лара торжественно вручила мне пару вязаных перчаток и шарф. Очень своевременно, хотя и непонятно, когда же она успела их связать? Я, немного смущаясь, достал из кармана маленький хрустальный додекаэдр. Напоминание о нашем знакомстве, которое можно сжимать в руке хоть тысячу сеансов напролет, не опасаясь раздавить. И потом, что это за медиум без магического кристалла? Несмотря на

несоответствие практичного и сентиментального, Лара казалась очень довольной моим подарком. У меня тоже изрядно потеплело на душе, не говоря уже о вечно мерзнущих руках и шее. Мы весело покидали снежок, еще раз поздравили друг друга с Новым годом – и расстались до следующего дня. Рабочего, несмотря на праздничную раскраску календарика.

Иногда я провожал Лару до подъезда. Домоуправление – или как оно сейчас называется? – щедро выделило ей комнатуху на первом этаже. Без окон, зато с отдельным входом с улицы. Ко времени нашей встречи Ларе оставалось блюсти чистоту окрестного асфальта семь лет с небольшим, чтобы стать полноправной владелицей этих дармовых хором размером чуть больше парковой каптерки. В саму комнатуху я не заходил. И через открытую дверь было видно, что двоим внутри попросту не развернуться.

Пригласить Лару к себе я тоже не решался. Хотя обитал вообще-то в нормальной однокомнатной берлоге, помимо отсутствия телефона, телевизора и практически всей мебели имевшей всего три недостатка: счета за газ, воду и свет. В сумме они обычно превышали все мои случайные заработки и приработки за месяц. Нет, не три. Четвертым недостатком были соседи. Со всех сторон. Слишком много соседей.

Взрослые ладно, они, как правило, сдержанны, детей разумного возраста тоже можно терпеть, они отходчивы. Но когда я вижу, как у соседнего подъезда останавливается машина и из нее выносят сверток из одеяла, перевязанный голубой или розовой лентой, мне хочется сменить место жительства. Или попросту бросить и стать «без определенного...». Будто было что-то определенное в моих четырнадцати метрах полезной площади.

Но есть и другой выход. Любым путем раздобыть нужную сумму денег и приобрести в ближайшем продмаге ящик самой дешевой водки. А лучше – два. Иначе не пережить.

Первые три месяца еще ничего. Ну холодно. Ну покормить забыли. Ну животик заболел. Почему бы не поскулить об этом тихонько? Под настроение.

Но когда они начинают узнавать своих, к тому же входят в голос... тут-то и начинается сущий Ад. Пекло. С которым ничего нельзя поделать. Разве что вместе с маленьким сучить ножками и вопить от невозможности облечь в слова простенькие, но мощные чувства.

Или периодически пытаться залить адское пламя алкоголем. Три раза по сто грамм перед сном – и «будь спок!», как говаривал известный всему миру детский доктор. Ночь пройдет без сновидений.

Кстати, что бы ни думали по этому поводу Бенджамин Спок с коллегами, кричат они главным образом не от голода, боли, страха или скуки, а оттого, что хотят каждый раз, просыпаясь, видеть перед собой родное лицо. Разве это так много?

Ужасно много, на мой взгляд. Со мной, к примеру, такого не случалось ни разу.

Это проходит, когда им исполняется полгода. Видимо, в этом возрасте приходит обидное понимание, что не всё и не всегда в жизни получается так, как нам хотелось бы.

Нашим с Ларой отношениям, текущим куда-то вяло-повялу, тоже на днях исполняется полгода. Наверное, поэтому вчера, отмахав свое, я предложил Ларе:

– Завтра у тебя выходной. Может... сходим куда-нибудь?

– Ты приглашаешь меня на свидание? – спросила она очень серьезно, не зная, куда девать глаза и руки в неуклюжих рукавицах.

– Да нет, просто... Да, – быстро поправился я, поймав на мгновение ее беспомощно метущийся взгляд.

Лара подумала еще немного, разглядывая очертания ладони, как будто пыталась увидеть линию судьбы сквозь мягкий брезент.

– Хорошо. Только пусть в этом месте...

– ...будет поменьше людей, – закончили мы хором.

Я рассмеялся. Она тоже улыбнулась.

Домой я вернулся только под утро, весь бледный и седой от цементной пыли. Даже не вернулся – заскочил, чтобы наскоро переодеться, отмыться, побриться, погладиться... Правда, переодеться оказалось не во что, так что пришлось в авральном режиме еще стираться и сушиться. В общем, заскочил на минутку и задержался на четыре часа. Полчаса из которых, будто подросток, провел перед зеркалом. Разглядывал ямочку на подбородке, о существовании которой успел забыть.

Вышел из квартиры сверкающий, благоухающий... и отчаянно зевающий. Сказывалась ночь, проведенная на разгрузке вагонов. Зато мятых бумажек в кармане теперь хватало на обед в кафе. Каком-нибудь загородном, безлюдном, где появляются только автомобилисты и только по вечерам. Такие, как мы с Ларисой, всегда тяготеют к окраинам. Внутри МКАД нам становится шумно.

Я шел по улице, шурился на апрельское солнце и сам себе не верил: неужели и вправду свидание? Настоящее свидание, как у нормальных людей, с цветами и шам... Шам, шам... Что это я вдруг зашамкал? Да, шампуня пришлось вылить полтюбика, потом минут пятнадцать расчесывать волосы, которые от воды начало потихоньку прихватывать, потом снова промыть... Цемент оказался въедливым – куда там местному участковому.

Кстати, о цветах.

– Баб Глаш, дай-ка мне вон тех, мохнатеньких.

– Скока? Три?

– А сколько же.

– Кто тебя знает. Может, на кладбище собрался.

– В глаженной рубашке?

Моя ирония осталась незамеченной.

Баба Глаша тоже из наших. Нелюдимая, неразговорчивая, зимой она перебивалась сбором стеклотары, а с марта по октябрь подпирала стену универсама с ведерком цветов. Где она их берет, я не в курсе. Летом, понятно, собирает урожай с городских клумб, но в апреле-то? М-да, загадка...

Сурово поглядывая из-под косынки, женщина-загадка выудила из разномастной толпы цветов пушистую белую гвоздичку, протянула мне. Выбрала вторую – тоже белую, но как будто с розоватыми ноготками на концах лепестков. Потянулась за третьей, но на полпути помутнела взглядом да так и застыла – с занесенной рукой.

А я вздохнул и услышал:

– Андрюшенька... Это даже хорошо, что ты не смог приехать. Не хочу, чтобы ты меня видел такой. Все вокруг, как сговорились, только и твердят, как я чудесно выгляжу и как быстро поправляюсь. Но я же вижу, как они на меня смотрят, когда думают, что я сплю. И почему у меня отобрали зеркальце? Правым-то я уже вполне могу смотреть. Андрюш, пойми... Я разговаривала с Галиной Владимировной, и я всё решила. Два-три месяца роли не играют. Господи, прости! Сына, в последний раз: ты ни в чем не виноват! Всё, прощай, Андрюшенька.

– До свидания, баб Глаш... – Я выдернул из ведерка третий цветок, вложил в протянутую руку часть мятых бумажек и удалился быстрым шагом, не дожидаясь реакции на сеанс. Не выношу, когда плачут старики.

Поймите, мы не медиумы. Медиум означает посредник. Между человеком и Богом, миром «духов» и людьми, короче, между кем-то и кем-то. А мы – связанные между непонятно кем и пустотой. Как полупроводники. Как мятые конверты со штемпелем: «Адресат выбыл». Как бутылки с запиской, проплававшие в океане так долго, что не осталось в живых ни автора письма, ни получателя, да и сам язык, на котором оно написано, давно перешел в разряд мертвых. Но больше всего мы похожи на пейджеры. Нас потеряли владельцы, но мы будем исправно доставлять сообщения для никого, пока не сядет батарейка.

Мы не виноваты, что мы такие. И мы ни в чем не виним вас. И уж ни в коем случае не ненавидим. Но и для любви к вам, согласитесь, у нас нет особых причин.

Возможно, наше сверхчувственное восприятие могло бы принести хоть какую-то пользу, будь у вас чуточку больше терпения и здравого смысла. Ну неужели трудно предварять каждый крик души коротким предисловием: «Я, фамилия имя отчество, телефон... зарегистрированный по адресу... вызываю к абоненту номер...»

Шучу.

Мрачно шучу.

Шути с оглядкой, как сказал один шут другому, все мы, братец, под колпаком.

И главное – чего завелся-то? Глупо же: давно пора привыкнуть. И на редкость не вовремя. Не хватало еще опоздать на свидание! Первое за последние... не помню, сколько лет. Надо бы свериться с паспортом.

Лара ждала меня на улице, рядом с персональным входом в личные апартаменты и, кажется, слегка уже изнемогала от ожидания.

– Привет! Как дела?

– Ничего...

Так всегда. На вопрос «Как дела?» Лара неизменно отвечала либо «Хорошо», либо «Ничего», как будто речь шла о покойниках.

– Ну что, пошли, что ли?

– Пошли...

Шагая рядом, я украдкой поглядывал на Лару, размышляя, не слишком ли нагло будет с моей стороны взять ее за руку. Так ничего и не решил. Вместо этого сказал:

– Да. Это тебе.

– Спасибо. – Она взяла мой скромный букетик и обеими руками прижала к груди.

Видно было, что Лара тоже всерьез готовилась к нашей встрече. С джинсов куда-то ушла почти вся потертость, отмытые до изначального цвета кроссовки уже не казались такими стоптанными, а свитер на Ларе был то ли новый, то ли я прежде не замечал его под рабочим фартуком и пуховиком. Вдобавок она наконец избавилась от челки. Десять мышинных хвостиков собрались в один большой – на затылке, правда, цвет волос не изменился, и от этого Лара стала похожа на, скажем так, королеву-мать из мультфильма про Щелкунчика. Каюсь, неудачное вышло сравнение, зато я получил возможность любоваться ее глазами... по-моему, все-таки карими.

По дороге в автобусе мы почти не разговаривали. О чем? О погоде? О трудовых успехах? О планах на будущее? О чем-нибудь еще, о чем не успели переговорить раз по десять под аккомпанемент метел и лопат? Скажем, о любви? В самом деле, почему бы двум умеренно привлекательным и нестарым еще людям не побеседовать на эту волнующую тему?

Ах, не смешите меня!

Так что мы просто молчали. И даже без необходимости старались не смотреть друг на друга. Думаю, Лара уже забыла, когда ее в последний раз приглашали на свидание. А я, сколько ни рылся в памяти, так и не вспомнил, было ли в моей прежней жизни что-нибудь, достойное забвения. Поэтому, подозреваю, мы с Ларой чувствовали себя в равной степени неловко, оба не знали, как себя вести, и за время пути успели не раз и не два пожалеть о том, что вообще затеяли всё это. Я так точно успел.

Оставалась, правда, робкая надежда, что разговор сам собой как-нибудь завяжется, когда мы доберемся до места. Но вот мы отыскивали пустующее кафе, разбудили официанта и с удовольствием расположились на стульях с подгибающимися ножками за круглым столиком из красной пластмассы, а неловкое молчание между тем никуда не делось. Напротив, стало совершенно невыносимым.

В конечном итоге мы всё же заговорили. Как ни странно, о любви. По крайней мере это слово витало над столиком чаще других.

– Хорошо, что весна, – первой нашлась Лара. – Не люблю зиму.

– А я люблю, – парировал я и добавил, уже смелее: – Люблю работать зимой снежным первопроходцем.

– Как это?

– А так. Кто, по-твоему, прокладывает тропинки между сугробами?

– Люди.

– Да? А кто идет первым, чтобы остальные поняли, что тропинка должна проходить именно здесь?

– Ты?

Я ограничился исполненным достоинства кивком.

– А я не люблю снег. Он тяжелый.

– А я люблю. Он похож на эскимо.

– А я не люблю эскимо.

– Сочувствую.

– Не за что! Зато у меня до тридцати не было ни одной пломбы, – похвасталась Лара и демонстративно оскалилась.

Я не поверил, конечно, – месяца полтора назад она говорила, что ей двадцать семь, – но на всякий случай позавидовал.

Неловкость куда-то исчезла, как исчезла со стола пепельница, набитая доверху чьими-то окурками, – незаметно, без следа. Мы болтали как дети, ни о чем, прячась от солнечных лучей под парусиновым зонтом с надписью «Клинское». Как вдруг солнышко скрылось за облаком, косяя тень упала на Ларино лицо и неприятный холодок пробежал по спине.

Слишком знакомый холодок, не имеющий отношения к капризам погоды.

Ну, и кого на сей раз? – с тоской подумал я. Меня или Лару? За время знакомства я научился чувствовать ее вызовы как свои собственные. Правда, так и не научился их различать.

Я на всякий случай взял Лару за руку – она по-прежнему чересчур болезненно реагировала на сеансы – и внимательно взгляделся в ее лицо. Из карих глаз стремительно уходили цвет и выражение.

– Почему ты не-е-е... – тихо, на пределе слышимости спросила она. – Почему ты не звонишь?

Помехи и громкость голоса – вернее, его тихость – свидетельствовали о чрезвычайной удаленности источника. Не межгород, конечно, но до абонента точно не один километр. Хотя кто знает, от чего, помимо расстояния, зависит качество сигнала? Может, от желания быть услышанным?

Я не столько слышал ее, сколько читал по губам. Тонким и дрожащим. Единственному островку жизни на окаменевшем лице.

– Чего стоили твои слова в тот вечер? Или ты врал? Алексей... Надеюсь, хотя бы с именем ты меня не обманул? Так вот, Алексей. Если ты не позвонишь сегодня, я никогда и никому больше не поверю.

Значит, все-таки Лару... Я вздохнул, испытывая смесь сочувствия и стыдного облегчения.

Как оказалось – рано!

Тупая игла по-хозяйски вошла в затылок. По рукам и ногам пробежала судорога, как от удара электрошоком. Кончики пальцев зачесались, словно у вора-карманника при виде пухлого кошелька.

В следующее мгновение мир вокруг стал черно-белым, а мой собственный голос – чужим. Сделался моложе, резче...

Несчастнее?!

– Эй, где ты бродишь третьи сутки подряд? И что у тебя с телефоном? Ты же говорила, что звонить можно в любой день, начиная с полпятого. Когда же он наступит, твой любой день?

Наверное, со стороны мы смотрелись престранно. Два медиума, накрытых одновременным сеансом. Два пейджера, трезвонящие на разные голоса: один пронзительно, другой чуть слышно, как из последних сил.

– Ты говорил: завтра же! Ты говорил: обязательно позвоню. Ты говорил: не волнуйся, Верунь, я всегда говорю только...

– ...ни полпятого, ни полдевятого, ни даже в полседьмого утра. Такое впечатление, что ты перешла на круглосуточный метод работы!

– ...же твоя правда? Я не хочу думать, что... Что?

– ...напросто начинаю волноваться. Или тебе настолько безразличен мой звонок? В таком слу... Эй, кто тут?

– Что? Кто это говорит?

– Я. А с кем? И... как?

– Лешка, ты?!

– Верка? Верка, чумичка, куда ты пропала? Почему не берешь трубку?

– Это я не беру? Почему ты не звонишь?

– Я?! Да у меня мозоль на пальце от твоего номера.

– Какого?

– Какой продиктовала. 212-85-06. Видишь, наизусть выучил.

– Ноль семь!!!

– Что?

– Ноль семь, дурилка! Последние цифры – ноль семь.

– Что? Говори громче, связь ужасная!

– Какая связь?!

– Какая... Я не знаю! Как ты это делаешь?

– Как я?! Как ты это делаешь?

Как мы это делаем, хотел бы я спросить у Лары. Хотя бы взглядом. Если бы он мне хоть чуть-чуть подчинялся.

Связь, говорите, ужасная? Ну-ну! Погодите, вот расцепим руки...

На самом деле расцепить руки – последнее, чего мне тогда хотелось. Даже умереть, наверное, было бы не так страшно.

– Я не знаю.

– И я не знаю. Ты перезвонишь?

– Конечно, сейчас!

– Ноль семь, запомнил?

– Конечно. Не вздумай снова пропасть! И ничего не бойся, слышишь?

– Слышу.

– Я люблю тебя.

– Я... тоже.

Всё...

И я ни за что не признаюсь Ларе, что мое «всё» наступило репликой раньше. Впрочем, глаза напротив тоже подозрительно покоричневели, а голос дрогнул слегка, до того как тонкие губы прошептали: «Я... тоже».

Что «тоже»? М-да, загадка...

Лара держала меня за руку и улыбалась сквозь слезы. Я тоже держал ее за руку и, к счастью, не видел собственного лица. Глупейшее, должно быть, прилипло к нему выражение.

Только с таким и можно, не мигая и не жмурясь, смотреть на чудо. Ведь, согласитесь, это маленькое чудо, когда два додекаэдра намертво сцепляются всеми двадцатью четырьмя гранями. Когда брошенная в океан бутылка через некоторое время возвращается – против всех течений! – с ответом и обещанием скорой помощи. А два ущербных пейджера совместными усилиями обеспечивают вполне сносную сотовую связь.

«Значит, все-таки можем? – спрашивал Ларин взгляд. – Все-таки чего-то да стоим?»

Вслух говорить она вряд ли могла. Наверняка дальняя связь сорвала ей связки.

Я тоже промолчал, из солидарности. Только пожал плечами, всем видом изображая легкомысленную самоуверенность. «Естественно! А ты что, сомневалась?» И покрепче сжал маленькую узкую ладонь.

Она ответила на пожатие. «Да уж. И ведь неплохо получилось – для первого раза».

«Какого еще первого раза?! – Брови недоверчивыми пчелами взметнулись на середину лба. – Что значит первого раза?!»

Но Лара только улыбнулась еще шире и загадочней...

Ну вот, на этом я, пожалуй, закруглюсь.

Нет, все-таки добавлю еще кое-что от себя. Да, Лара, добавлю. И нечего пинать меня под столом. От таких намеков портятся стрелочки на брюках.

В конце концов я столько лет озвучивал чужие стенания, проклятия и мольбы о помощи, что наверняка заработал право на одну маленькую встречную просьбу.

Итак, дорогие мои абоненты, убедительная просьба к вам. Пожалуйста, не бойтесь занять место рядом со мной в автобусе. Это не заразно. Не выбегайте при виде меня из лифта или хотя бы дождитесь своего этажа. И не спешите переходить на другую сторону плохо освещенной улицы. Лучше подойдите поближе, возьмите за руку, если это не сложно, и внимательно вслушайтесь в мой лепет, который кажется бессвязным только на первый взгляд. И тогда, не исключено, вы услышите что-то важное именно для вас.

Вот теперь действительно всё. Всем пока.

Что?.. Лара, ты восхитительная зануда!

Конечно же, правильно говорить: до связи!

Андрей Николаев, Сергей Чекмаев

Реликт

Слово автора:

Свои тексты в исполнении «Модели для сборки» я впервые услышал по радио, совершенно неожиданно, и тогда еще подумал: «Жаль, что я не знал раньше, предупредил бы друзей – тоже бы присоединились. Незаметно». А когда я вошел в команду, основной задачей для себя выбрал абсолютную правовую прозрачность текстов, то есть теперь рассказы в «Модели» читают только с любезного разрешения авторов. И, разумеется, авторы знают день, время и место выступления. А по мере возможности мы снабжаем их и записями.

Лучше бы это маленькое предисловие писал мой соавтор и друг Андрей Николаев. Литературному редактору тяжело оценивать весь проект в целом, так сказать, изнутри. Думаю, мой соавтор не отказал бы МДС – в далеком 2008 году я взял на себя смелость решить за нас обоих. Но, к сожалению, тогда Андрея уже не было с нами. С тех пор каждую новую публикацию этого рассказа я неизменно посвящаю его памяти. Особенно эту, юбилейную – голос Влада Коппа, музыка Андрея Эддисона и Михаила Габовича сделали из нашей истории целое фантастическое приключение.

Реликт

(выложен 09.05.2008)

Полосатый зверь подышал. Брюхо его было распорото от грудины почти до хвоста. Исходящие паром внутренности неопрятной кучей волочились следом, когда зверь перекатылся по влажной траве, пытаясь ухватить их зубами. Неподалеку стоя таких же остромордых и полосатых рвала на куски гигантскую птицу. Та еще пыталась отбиваться, достать хищников огромным изогнутым клювом, но это была агония.

– По-моему, этот подойдет.

– Мелковат.

– Он и должен выглядеть игрушкой, ему умиление вызывать надо, а не инфаркт. Но какие повадки, а? Охрана – это та же охота, только со знаком плюс. Всё должно быть на уровне инстинкта, подсознательно. Через миллионы лет ему равных не будет. В некотором смысле эволюция – это вырождение, и какой-нибудь мастино или ротвейлер для него просто боксерская груша! Заменяем...

– Эволюция не может быть вырождением по определению.

– ...заменяем когти, зубы, поставим на крайний случай плазменный заряд.

– Да он ноги таскать не сможет!

– А мы усилим скелет, мышцы, потренируется полгода, побеждает. Нет, я думаю, это то, что надо.

– Какой-то он неуклюжий. Так вот подставиться...

– Неуклюжий? Да он лидер! Он же первым бросился на эту жирафу в перьях.

– Ну, как знаешь. А если не согласится?

– Выбора у него нет. Иначе свои сожрут. Как только доедят птицу. Всё, начинаем, а то поздно будет.

Возле бьющегося тела в полупрозрачном столбе света возникли два человека.

Несколько зверюг, опоздавших к пиршеству, направились к своему неудачливому собрату, но, ткнувшись острыми мордами в невидимую преграду, остановились в недоумении.

Глаза зверя, подернувшиеся предсмертной пеленой, прояснились. Он увидел свое распоротое брюхо. Потом взглянул на рвущихся к нему сородичей и попытался завывать. Но сил уже не было.

– Фу, какая вонь.

– Да, ему досталось... Кишки наружу, но это не проблема. Ты с его мозгом поработал? Так отойди в сторону, теоретик.

Один из людей, наморщив нос, отошел в сторону, а второй присел на корточки, приподнял мокрую от слюны и пены морду зверя и посмотрел в тоскливые, слезящиеся глаза.

– Ну, здравствуй, приятель, здравствуй. Вот, этот теоретик считает, что ты неуклюжий неудачник, а я совсем другого мнения...

Сегодня меня опять ловили. Сiju себе в песочнице, ребятню развлекаю. Сереньке, как раз, последний кружочек на пирамиду помогаю надевать. Серенька веселый, а чего ему? Подгузник еще сухой, хотя и потяжелел изрядно. И песок можно есть прямо лопаткой – пока мамка отвлеклась, по мобильнику с кем-то треплется.

Слышу – едут. Я эту машину противную уже давно выучил. Точно! Заруливают. Ну-ну... Сегодня я решил не прятаться. Ну, сколько можно, а? С начала весны тут ошиваюсь, а эти всё норовят подцепить. Я слышал, как мордатый с петлей всё ходил, приговаривал:

– Ничего... в следующий раз мы тебя, буль проклятый, точно возьмем! Зуб даю.

Это он меня зовет так. Я и вправду на бультерьера похож. Морда клином, только побольше да помохнатей, серый в темную полосу.

Мамаши детей похватили, кто на руки, кто в коляски и подальше. Я тоже из песочницы ушел – там города всякие построены, пирамиды, зачем разрушать? Отошел в сторонку, сел на хвост, жду. Хвост у меня толстый, удобный.

Идет этот мордатый, куском колбасы помахивает:

– Жрать хочешь, небось, а? На, ешь...

Бросил колбасу мне, палку с петлей наострил, примеривается. Понюхал я; колбаса как колбаса, ничего лишнего: мясо, крахмал, хвосты крысиные. Не стал мордатого разочаровывать, подошел и съел. А пока ел, он петлю мне на шею накинуд, к машине обернулся и кричит:

– Утюг, Утюг, я его взял!

Пока кричал, я веревку перекусил, по петле когтем чиркнул, отошел и опять на хвост сел. Из кабины вылез Утюг, такой же мордатый, небритый, только ноги короткие. Топает к нам:

– Ну, и где твой буль?

– А-а, гад, петлю скусил!

– Что ты мне втираешь?! Инвентарь проверять надо! Где ты видел собак, которые петлю перекусят?

– Да ты чего, Утюг, не веришь? Сам посмотри...

Тот отмахнулся:

– Ладно, сейчас мы его сеткой возьмем.

Долго они за мной по двору бегали. Сначала с лаской, с уговорами. Потом, когда сетка запуталась окончательно, стали слова всякие говорить. Бабки у подъезда, на что привычные, и те покраснели.

– Эх, – вздохнул наконец Утюг, упарившись. – Вот ведь оно как бывает.

И уехали. Жучку, правда, приبلудную прихватили, не успел я помешать. Хорошо, что дети не видели, уж очень ласковая была Жучка. Она не за колбасой к мордатым пошла. За лаской. Ее кто погладил, тот и друг. Ведь и у людей тоже так бывает.

Тут и Наташка моя из подъезда выскочила, я – к ней, понятно дело. Бабка Катя – сегодня при параде, в цигейке и подшитых валенках – кричит:

– Слышь-ка, опять сегодня Амура твоего поймать хотели.

Наташка в слезы.

– И-и что-о...?

– А он им веревку отъел.

– Так, баб Кать, вы б сказали, что собака не бродячая, моя собака.

А сама присела, гладит меня. У меня шерсть толстая такая, плотная, как на ковре.

– Эх, девонька, кто ж старуху послушает. У них план, а собака без ошейника. Но я, правда, им кой-чего сказала.

– Я представляю, – смеется Наташка. – Амур, пойдешь со мной в магазин?

Конечно, пойду. Куда ты, туда и я. Один раз две остановки бежал. Ей в книжный надо было, через три квартала, вот и бежал. Кто меня в автобус пустит?

– Наташ, а ты мать уговорила бы, – это бабка Катя опять, – возьмите собачку-то. Небольшая, но смотри, какая серьезная. Как он того кобеля погнал! Боец!

С неделю назад забежал во двор одичавший доberman. Кидаться на всех начал, ну я его и придавил малость. Мигом опамятовал.

– Да всё никак, – пригорюнилась Наташка, – ты, говорит, поиграешься и всё, а мне за ним ходить. А он ведь меня и в школу провожает, и из школы ждет.

Ничего, думаю, мы маму Таню как-нибудь сообщу уломаем.

У магазина я присел в сторонке, чтоб собаки не косились. Они хоть и чувствуют, что родня, но уж больно дальняя. Это точно. Там, откуда меня взяли, собак не было. Ну, в любом случае, другие зверюги еще меньше подходили. Волкодава какого-нибудь двухметрового мама Таня в дом ни за что не пустит. А человека к девчонке-школьнице не приставишь – заметно слишком.

Наташка вышла, сумку тащит. Я подошел, зубами за ручки хватать – давай, мол.

– Куда тебе, Амурчик, она ж больше тебя.

А ты дай и всё!

– Ну на, держи.

Я в холке и вправду невысок, не выше бульдога. Но сумку просто взял за ручки, на спину забросил и потрусил домой. Самое главное: ручки не перекусить от усердия. Наташка чуть не завизжала от восторга.

К подъезду подходим, а там как раз мама Таня с работы идет. Присела с бабкой Катей мнениями обменяться. Удачно! Сейчас поведем атаку по всем правилам.

Бабка Катя тоже на нашей стороне:

– Ну, ты смотри, Танюш, золотая зверюга! Сумки на спине носит! Скоро у меня папирски стрелять будет. Взяла бы его к себе. Не место ему на улице, ученый пес.

Я сумку поставил, а сам головой в руку мамы Тани тычусь: ну посмотри, какой я!

– У-у, зверище, – и по холке меня треплет. – А кормить-то тебя чем, а? Вон, какой толстый.

Это я толстый?! Просто конституция такая. Да и ем всё, чего не дай. Не хватит – крысы на помойке пока не перевелись. Не впервой.

– Ну, мам, ну давай возьмем, – Наташка чуть не плачет. – Пожа-алуйста. Я всё делать буду: и убирать, и гулять, и мыть, и прививки.

А я всё носом в руки тычусь. Кто тут устоит?

– Ладно, бери своего Амурчика, но смотри у меня!

Что тут началось! Визг, писк, чмоканье. Суровая бабка Катя и та разулыбалась. А мы домой пошли. Пятый этаж без лифта, хрущоба двухкомнатная, но это ж не под лавкой во дворе!

И стали меня мыть в четыре руки детским шампунем, сушить полотенцем и феном, кормить гречневой кашей и играть в мяч со мной стали! А спать я лег в прихожей. Хотели у двери положить, но тут уж я не уступил: коврик перенес, куда хотел. Отсюда у меня и дверь, и балкон под контролем.

На выходных мы поехали покупать ошейник, поводок и намордник. Наташка просила самый красивый, но на мою морду не всякий налезет. Что подошло, то и купили. А на ошейник тут же сделали бляху с гравировкой: «АМУР».

Потом засобирались гулять в парк. День выдался солнечный, теплый. Меня, конечно, хотели оставить дома, но я показал, что до их приезда ни малую, ни большую нужду терпеть не стану. Поем всю обувь, прогрызу диван, а может, и холодильник, и меня взяли. Доехали не без приключений. И пускать меня не хотели, и хвост прищемило, и лапы оттоптали, но работа есть работа! Да и не работа это уже, а удовольствие. Да, да! Кого не любили, тот не поймет. Для меня охранять эту девчонку – удовольствие!

А через пару дней случился у Наташки праздник. День рождения. Куча народу заявила, а меня закрыли на кухне. И проверить никого нельзя. Я было попытался в щель выскользнуть, но мама Таня строго сказала:

– Сиди пока тут, Амурчик. Перепугаешь еще людей.

И как быть прикажете? Сажу на кухне, а там кому попало дверь открывают и в квартиру пускают без проверки.

Хорошо, что Наташка не утерпела – похвастаться захотелось. Прибегает, кричит прямо с порога:

– Амур, пойдем знакомиться. Я тебя девчонкам покажу.

Ну, и поехало. Маша, Ирка, Дашута, Ксюха... Вырядились все. Расфуфыренные, причесанные, наряженные.

– Ой, какой!

– А погладить можно?

– Не кусается?

Не-е, не кусаюсь. Только гладь поаккуратнее.

В итоге всех гостей я обнюхал, всех проверил, погладить дал, в руку потыкался... Все довольны. И стоило мне расслабиться – этот появился, как его... Одноклассник Наташкин. На Гарри Поттера похож, у Наташки на тумбочке книжка лежит, вот там на обложке – вылитый он.

Не люблю таких. Вечно всё лучше всех знают.

Понятно, меня и с ним познакомили.

– Это Амур.

Гарри очками на меня сверкнул, смерил от ушей до хвоста, потом повернулся и говорит:

– А порода какая?

Тут бы Наташке и промолчать: не знаю, мол, не помню, у мамы спроси... Нет, ляпнула гордо еще так:

– Бультерьер!

Девчонки смеются, а Гарри в позу надменную встал и сказал, как отрезал:

– Никакой это не бультерьер. Это томарктус! На зубы его посмотрите!

Тут уж я пасть захлопнул. Как же, счас! Так я тебе и показал свои зубки. И когти пустотелые не покажу, а на руки я даже Наташке не даю – не может собака моего размера столько весить.

– Кто?!

– Томарктус, – теперь Гарри уже объяснял, как учитель нерадивому школьнику. Снизшел. – Реликтовое млекопитающее. Один из прямых предков современных киноидных!

– Алик, не грузи! При чем здесь кино?

А, вот как его зовут – Алик. Очень подходит.

Девчонки смеются. Действительно: я и кино – две совершенно не совместимые вещи!

Но Алика так просто с толку не собьешь:

– Киноидные – это собакообразные. Кинос – собака по-древнегречески, если вы не знаете. Мне про них дядя рассказывал, он палеонтолог.

И понес, и понес...

– Ты, Наташка, даже и не представляешь, когда они жили. Это же современники мамонтов! Да что там мамонты, возможно и раньше, – продолжая вещать, он рассматривал меня каким-то странно холодным, изучающим взором, так что пришлось прятаться то за Наташку, то за кресло. Я даже стал жалобно поскуливать, чтобы показать, насколько испуган.

– ...вели в основном ночной образ жизни, предпочитая одиночество, но объединялись в стаи при охоте на крупную добычу. Даже фороракос...

Заскучавшие было девчонки встрепенулись, хихикнули на незнакомое слово. Алику пришлось разъяснять:

– ...э-э, это такая птица, хищная, побольше страуса...

Ха-ха. Какое там «побольше»! Да страус рядом с ней – воробей недокормленный.

– ...хотя для томарктуса он, пожалуй, великоват. У того было удлиненное тело и довольно короткие лапы.

Ага, знаем мы, как твой дядя с компанией скелеты собирают. Нашли кучу костей, сложили, что подошло друг к другу, и – будьте любезны! – образец древней жизни.

Я уж думал, эта пытка никогда не кончится. Алик вещал, девчонки клевали носами, а Наташка – или мне только показалось? – начала особенно пристально на меня посматривать.

Положение спасла мама Таня.

– Эй, молодежь! К столу! Всё готово!

Алик-Гарри поперхнулся на полуслове, девчонки с визгом побежали в большую комнату. Наташка махнула рукой:

– Ладно, Алик, хватит. Ну, какой он реликт? Томат... томар...

– Томарктус.

– Вот-вот. Собака как собака. Только хорошая, правда, Амурчик?

А как же. Хочешь, хвостом повиляю?

– Откуда он у тебя?

Вот неугомонный! Пришлось Наташке соврать, хоть она это дело и не любит:

– Мы его купили! На Птичке. Там таких много.

– А родителей его ты видела?

Ситуация накалялась. Наташка покраснела, но тут опять вмешалась мама Таня:

– Наташа! Олег! Ну, где вы?

Вечером, когда все разошлись, Наташка рассказала маме Аликовы теории. Я же, старательно изображая вечно голодных собак, сидел у стола и провожал жалобным взглядом каждый кусок вкусной еды, проходящий мимо меня. Вдруг мама Таня сказала:

– А он действительно необычный, а, Наташ? Ты посмотри, ему ведь не хочется есть. Он как будто изображает голод.

Упс! Я привстал и заскулил. Наташка засмеялась.

– Он просто кушать хочет. На, Амурчик!

Я осторожно слизнул с ладони кусок котлеты и, жадно чавкая, проглотил.

– Хорошая собака, хорошая. Реликт ты наш полосатый.

Фу-у, вроде пронесло.

Наступило лето. На каникулы Наташка никуда не поехала. Просто некуда было, а в лагерь она не хотела. Из-за меня, конечно. Мама Таня повздыхала, попеняла мне, но потом решила,

что вот, в августе будет отпуск, и мы все вместе отправимся к ее подруге под Истру. На дачу. А пока мы ездили купаться на водохранилище – всего-то десяток остановок на двух трамваях, ходили в парк на собачью площадку. В общем, как говорила бабка Катя, гулеванили.

На этой самой площадке я опять прокололся. То есть вначале всё было, как и задумано: бревно очень узкое и скользкое, лестница слишком крутая, а в трубу я вообще не полезу – там темно и страшно. Но постепенно, к великой Наташкиной гордости, упорные тренировки пошли мне на пользу.

На площадку пузатый дядька в джинсах с подтяжками приводил бельгийскую овчарку. Для себя дядька нес упаковку баночного пива, а для псины – мешок костей из магазина «Собачий пир». Красивый пес, черный как смоль, звеня медалями, устраивал показательные выступления. И тут уж мешать не могли! Наташка обычно отводила меня в сторонку, приговаривала:

– Вот, смотри и учись.

Я сидел и смотрел, хотя мне было глубоко по барабану, с какой элегантностью Экселенц (какое скромное, со вкусом подобранное имя!) берет барьеры и бежит по бревну. Бревно я давно освоил, а забор Наташке по макушку, и если я его вдруг перепрыгну, народ сильно заинтересуется скромной полосатой дворняжкой.

В тот раз я не спеша шел по бревну, как вдруг сзади требовательно гавкнули. Черный Экселенц картинно взбегал на бревно и требовал уступить дорогу. Еще бы! За исполнение показательной программы ему полагалась куча разноцветных костей.

Наташка подбежала к пузатому хозяину.

– Ой, отзовите, пожалуйста, вашу собачку. Сейчас мы быстренько пройдем и не будем мешать.

– Ты лучше своего кабыздоха убери, а то как бы чего не вышло, – сказал дядька, прихлебывая «Хейнекен», – Экс, вперед.

– Ну, что же вы делаете! – в отчаянии закричала Наташка и бросилась обратно к бревну. – Амур, ко мне!

Экс догнал меня в три прыжка и злобно гавкнул. Нет, брат, шалишь, теперь уж я не уйду. Развернувшись, я негромко зарычал. У бельгийца от неожиданности разъехались лапы, он шмякнулся грудью о бревно – только зубы клацнули – и позорно свалился на землю. Все замерли. И Наташка, и пузатый дядька, и прочие собаководы, с почтением наблюдавшие за тренировкой Экселенца.

– Ну, сейчас что-то будет, – сказала рыжая тетка, беря на поводок эрделя.

Экс бросился на меня прямо с земли, я шагнул в сторону, и он, не удержавшись, пролетел вперед несколько метров.

– Взять его, Экс! Фас!

– Ой, не надо, дяденька...

Бельгиец уже разворачивался для атаки. Я знал, что будет дальше. Эх, потомки, у вас здесь кто больше, тот и молодец. Эволюция.

Экс летел на меня. Большой, черный, взбесившийся от злости.

Тоненько вскрикнула Наташка.

Было инстинктивное желание уступить дорогу и сбоку рвануть клыками шею. Я подавил. Но с трудом.

Я прыгнул с места, когда Экс был в паре метров. Мы сшиблись в воздухе, я ударил плечом и грудью. Под звон медалей бельгиец закувыркался по траве. Не давая опомниться, я ударил еще раз, потом еще. Я катил его, как мяч, в сторону пузатого хозяина. Дядька выронил пиво, мешок с костями, взмахнул цепью и бросился спасать своего чемпиона. Я оставил Экса и, припав к земле, пошел на хозяина. Собаки так не нападают. Видно, я здорово разозлился, если подсознание взяло верх. Цепь, свистнув, пролетела над головой. Я метнулся вперед и

перекусил ее прямо возле пальцев пузана. Дядька от неожиданности попятился, споткнулся и рухнул прямо на упаковку с пивом.

– Амур, нельзя! Фу!

Я остановился, но адреналин кипел в крови. Наташка смотрела на меня круглыми глазами. Пузатый дядька, отряхиваясь и бормоча, что меня надо держать в клетке, побежал искать своего чемпиона, а собаководы как стояли, так и продолжали стоять, разинув рты.

Я поджал хвост и на полусогнутых пошел к Наташке.

– Ты что, Амур... ты что это, а? Как это?

Я не буду больше, Наташ, не ругай меня.

– Пойдем-ка домой, реликт.

Дворняжка я! Никакой не реликт! Ну, посмотри же...

– Пойдем, пойдем.

Она взяла меня на поводок и потащила с площадки. Пока мне выговаривали, красивые кости из «Собачьего пира» уже подъели. Проходя, я понюхал пустой мешок. Пахло вкусно...

– Мам, я сама видела! Вот такую цепь перекусил! – Наташка показала на пальцах, какой толщины была цепь.

Не слушай ее, мама Таня! Такой цепью слона удавить можно, а та цепочка была тоненькая и ржавая!

– Ты не придумываешь?

– Да нет, точно. Там все так и обалдели!

Мама Таня покачала головой.

– Да-а... Может, все-таки Алик прав, а?

Они сидели на кухне за столом. Наташка нахмуясь разглядывала меня, будто в первый раз увидела. Я распластался на полу, положив голову на лапы, и пытался выглядеть несчастным и обиженным.

– Ну-ка, Амур, чем ты там цепь перекусил, – мама Таня присела рядом со мной и пальцами приподняла мне губу. – Зубы как зубы. Белые, красивые. Вполне собачьи зубы.

Правильно, ничего необычного.

– Ладно, Наташ. Зато защитник какой у тебя! Только держи его на поводке, раз он такой буйный.

Ночью была гроза. Не люблю грозу. Видимо, где-то в подсознании остался островок первобытного страха. То есть я ее уже не боюсь, но опасаясь.

Все уже спали, не обращая внимания на блеск молний, гром и шум дождя. Я побродил по комнатам, попил водички, выглянул на балкон. Дождь полупрозрачной завесой отгородил нашу квартирку от всего мира. А ведь сейчас кто-то прячется под лавками во дворе, под деревьями. Бр-р. И я когда-то, в другой жизни, тоже прятался и скулил от страха. Правда, тогда грозы были страшней. Это я хорошо помню.

Неприятный зуд возник где-то на затылке между ушами. Я насторожился. Зуд перешел в прерывистый гул, будто удары далекого колокола слились в один бесконечно долгий звук.

Пришло мое время. Наташку, конечно, будить не стоит – еще, чего доброго, со мной пойдет.

Мама Таня спала, свесив руку из-под одеяла. Я лизнул пальцы. Безрезультатно. М-м-м-м... Ухватил осторожно одеяло и потянул. Она заворочалась, когда холодный сырой воздух забрался под рубашку.

– Наташ, ты... Амур, ты что?

Я совсем стянул одеяло и оттащил его на середину комнаты.

– Ты что, сдурел, что ли? Ну-ка, пошел отсюда.

Я жалобно заскулил и оглянулся на дверь.

– Ну, что еще! Газ, что ли, не выключили?

Мама Таня прошлепала босыми ногами на кухню, проверила плиту, потом заглянула в ванную.

– Чего тебе надо?

Я подбежал к входной двери и стал в нее царапаться.

– Да? А еще чего изволите? Время три часа ночи, а ему приспичило. Ты видел, что на улице делается? Потерпишь!

Я заскулил еще жалобней.

– Тихо ты, Наташку разбудишь! Вот, смотри, открываю дверь. Сделаешь свои дела, придешь. Дверь запирать не буду. Понял? И чтобы это было в первый и последний раз!

Кодовая дверь была приоткрыта, и я шмыгнул на улицу. У подъезда, под козырьком сидела на старом венском стуле бабка Катя и смолила папироску.

– Ну что, Амур, не спится? И я в грозу спать не могу. Всё войну вспоминаю. Вот такая же погода была, когда мы в сорок четвертом...

Да знаю я, баб Катя, ты мне уж столько раз рассказывала. Извини, дела.

– Ну беги, погуляй. Тебе то что, вон какой ковер на спине.

Гроза стихала: молний уже не было, ворчал, уходя, гром, и только дождь хлестал с прежней силой. Фонари вдоль дома не горели, а так – едва тлели тусклыми огоньками в кронах мокрых деревьев.

Меня ждали на углу, там, где не было даже рассеянного света. Я почуял его раньше, чем увидел, и был разочарован. Это была собака. Большой, породистый ротвейлер. Он стоял, широко расставив мощные лапы, ожидая, кто придет остановить его. Он не был расположен к переговорам, но все-таки я решил его урезонить.

– Ты не получишь то, за чем пришел. Ты не понимаешь, что делаешь. Уходи.

– Меня выбрали, и это хороший выбор. Я знаю, ты не уйдешь с дороги, но это и не нужно. Ты умрешь первым.

Ротвейлер слегка присел, готовясь к нападению.

Интересно, как выглядел наш диалог со стороны. Стоят две собаки, смотрят друг на друга. Ни лая, ни рычания. Игра в гляделки, да и только. Я понимал, что он говорит, но мысли его были тяжелые и ворочались с трудом, как камни в русле горной речки. Видимо, те, кто выбрал его, не стали кропотливо готовить посланца, тренировать, натаскивать. Просто взяли наиболее подходящее для убийства существо и наделили минимальным сознанием. Ну а чем его оснастили, сейчас увидим. Я не чувствовал злобы или неуверенности. Я долго готовился к этой схватке. Там, где я жил, были звери куда серьезнее, да и не животное я ожидал увидеть.

Заскрежетал металл по асфальту – он выпустил лезвия из когтей, готовясь к броску. Это напрасно. Рано. Прыгать неудобно. Ротвейлер совсем не знал, кто будет против него. Он тяжело поднял в прыжке свое тело. Вечный недостаток домашних собак – лишний вес.

Я прыгнул навстречу, чуть вбок, переворачиваясь в воздухе на спину и выпуская когти. Отбил его левую лапу, посыпались искры. Что за железо ему поставили, если крошки летят? Его лапа пошла вниз, голову он повернуть не успел, и я рванул снизу стальными когтями беззащитную глотку. Ротвейлер замер на растопыренных лапах, затем, неловко переступив, завалялся на меня. Я лежал на спине, даже не потрудившись перекатиться в сторону. Горячая кровь хлынула на морду, уходя из сильного тела. Он пытался что-то сказать, но мысли, и прежде тяжелые, теперь совсем не слушались. Чужое сознание оставило его. Я уловил отчаяние, непонимание происходящего, ужас и страх перед надвигающимся и неизбежным. Желание оказаться рядом с другом, с которым можно играть в мяч, таскать в зубах колесо от «Жигулей», упиваясь собственной силой, спать на ковре у двери, радоваться похвалам и огорчаться неудовольствию хозяина, охранять детскую коляску с пищущим человечьим детенышем...

Всё кончилось. Его большое тело в последний раз сотрясла крупная дрожь, хрипенье и бульканье затихли.

Я лежал в луже чужой крови, и не было сил подняться. Видит бог, я не хотел этого. Но он пришел убить Наташку. Не по своей воле, но пришел. Я припомню этого бедолагу, если встречу с приславшими его.

Кое-как я добрался до водосточной трубы на углу дома. Лег в промоину и стал жадно пить отдающую ржавчиной воду, поворачиваясь то одним, то другим боком, чтобы смыть кровь.

– Ты молодец, приятель. Сделал всё, как надо. Теперь пойдем с нами.

Это были те двое, которые дали когда-то мне новую жизнь и отправили сюда за тысячи километров и миллионы лет от моего мира защищать ребенка. Они и в прошлый раз появились неожиданно, но тогда я валялся с распоротым брюхом, а сейчас должен был почувствовать их приближение раньше. Избаловался... Привык сладко есть и мягко спать...

– А как же Наташка? Ведь вы говорили, что на одной попытке они не остановятся?

– Это уже не важно, – сказал один, – ребенок должен был погибнуть еще полгода назад. Мы не дали этому случиться, и теперь это отразилось на нашем времени. Наш мир меняется. И меняется катастрофически. Мы хотели поставить эксперимент и ошиблись. Да-да, мы тоже ошибаемся, как и современные люди, хотя и отличаемся от них, как ты от собак. Исчезновение одного человека этот, – он выделил голосом, – мир не изменит. Несопоставимые величины. Социум просто не заметит потери, но, если в ближайшее время девочка не умрет, последствия для будущего лично я не берусь предсказать.

– Ах, социум не заметит... А ее мать заметит? А старуха-соседка? А те, кто ее любит и знает? А я? Кстати, ведь меня должны были сожрать еще в миоцене, но я жив, и мир в порядке.

Второй присел на корточки рядом со мной и склонил голову, будто с интересом разглядывал что-то неведомое.

– Ну, прямо доисторическая преданность. Ты и в самом деле реликт. Пойдем с нами, приятель, пойдем. У нас даже собаки живут долго, почти вечно. Оставь всё, как есть и...

Он поперхнулся словами, поскольку я встал и так энергично встряхнулся, что брызги дождевой воды веером прошли по его лицу. Смахнув капли ладонью, он поднялся.

– Ты здорово изменился, приятель. Ты не забыл, кто ты, зачем ты и кому обязан практически всем, что имеешь? Ты можешь вернуться в свое время или можешь пойти с нами, – сказал он сухо. – Здесь ты не останешься. Или останешься лежать рядом вон с той собакой.

– А Наташка?

– Нам приказано убрать тебя отсюда. Скажу больше: мы не можем забрать тебя силой, но в твоих интересах согласиться. Теперь ребенок – не наша забота. И не твоя.

– Я остаюсь, – я слегка присел, стараясь держать обоих в поле зрения, – кто из вас рискнет своей вечной жизнью? Ну? Ничего страшного – ведь социум не заметит.

Они переглянулись. Затем тот, кто говорил со мной, взял второго за ворот и притянул к себе.

– Ну что, теоретик? Что теперь?

Тот слабо пытался вырваться:

– Откуда я знаю. И вообще, ты привлек это существо, ты и...

– Я? Правильно, я. Ты только идеи подкидываешь. Я исполнитель, а ты, как всегда, в стороне! – Он недобро глянул на меня. Я ждал. – Ладно, приятель, делай как знаешь. Тебе всё равно ее не спасти.

«Теоретик» наклонился ко мне и почти прошипел:

– А от нас тебе будет сюрприз. Помнишь свою последнюю охоту? А-а, помнишь! Вот на ней и подохнешь! Я тебе обещаю!

Они растворились в струях дождя.

Бабка Катя всё еще сидела у подъезда. Я подошел и уселся рядом – надо было хоть немного обсохнуть.

– Амур, ты что, купался? Ишь, как вымок. А там рычал кто-то, ох как страшно рычал. Я подумала: не ты ли с кем сцепился?

Нет, баб Кать, не я. Я смирный и послушный.

– Ну, давай посидим, поговорим. Ты хоть знаешь, почему тебя Наташка Амуром назвала? Нет? Так это я подсказала. Да! Смотри, говорю, какой зверь полосатый. Ну, прямо тигр амурский, да и только! Вот так-то.

Спасибо, баб Кать, мне нравится.

Два дня во дворе только и говорили об убитой собаке. Сошлись на том, что какие-то отморозки зарезали ни в чем не повинное беспомощное существо. Жаль, когти его никто не рассмотрел внимательно. А то бы постеснялись насчет беспомощности...

Только бабка Катя имела свое мнение, даже не мнение, а так, подозрение, но высказала его только мне.

– Ты ведь, Амур, гулял в ту ночь. А? Чего молчишь? Неужто не видел ничего?

Нет, баб Кать, ничего не видел.

– Ох, не простой ты пес, не простой. Ладно, не скажу никому, но ты уж за Наташкой пригляди, а то смотри, что делается.

Какой разговор, конечно, пригляжу. Недолго осталось. Те двое говорили, что в ближайшее время Наташку должны, ну... это. А если нет, то всё обойдется. Уж я постараюсь, чтобы... м-м... обошлось.

– Чего это, на ночь глядя? До завтра не подождет? – Мама Таня, прикрыв телефонную трубку ладонью, недовольно посмотрела на Наташку.

– Ну, мам, Ксюха говорит – завтра уже отдавать. Да я быстро!

– Одна нога здесь, другая там! Ясно? – Мама Таня махнула рукой. – Алло, Свет... Нет, я не пропала, у Наташки подружке какую-то тряпку от Диора притащили, вот просится посмотреть. Пусть сбегает, это рядом, – она опять прикрыла трубку. – Наташка, денег всё равно нет!

Только я прилечь собрался. Эх, жизнь собачья! Ну ладно, пошли, что ли. Наташ, не беги ты так, я же только что каши наелся. У-у, коза длинноногая.

На втором этаже мы обогнали бабку Катю. Она, держась за перила, потихоньку спускалась по лестнице и несла в руке металлический ящичек с красным крестом на крышке.

– Что случилось, баб Кать?

– А-а, как всегда. Петровна звонила, плачет, у Васьки ее опять сердце прихватило. А ведь моложе меня! Не берегут себя нынче, всё быстрее, давай-давай...

Мы выскочили на улицу и, не сбавляя темпа, понеслись в пятый подъезд к Наташкиной однокласснице.

– Амур, сиди тут. За кошками не гоняйся, крыс не ешь – только сейчас кашу трескал. Всё, я быстро.

Да, быстро. Знаю, знаю.

Я присел и огляделся. Уже стемнело, с запада опять шла гроза. Там вовсю гремело и полыхало, скоро и нас накроет, а Наташка без зонтика.

В помойке у гаражей кто-то зашуршал. Я принялся. Каша – кашей, но без мяса...

Знакомый зуд возник за ушами, и удары колокола опять догоняли друг друга.

Он появился прямо из ничего в тени старого ясеня, там, где полутьма переходила в ночь. В этот раз он походил на человека, хотя судить было трудно – нелепая одежда скрывала его. На нем бесформенной грудой висела какая-то темная хламида с капюшоном, ниспадающая до земли. Он не стал ничего говорить, просто приподнял руки, повернул их ладонями вперед и

шагнул ко мне. Загустевший вдруг воздух упруго толкнул меня в морду, и я понял, что медлить нельзя. Я сорвался с места, будто меня под хвост куснула сороконожка, толкнулся всеми лапами и прыгнул на него, выпуская когти... и словно ударился в раскаленную стену. Меня отбросило назад и, перекувырнувшись через голову, я распластался на асфальте. Лапы и морда горели. Разлепив опаленные веки, сквозь радужные круги перед глазами я увидел, что мои когти оплавились на концах в стальные шарики. Вот паразит, как же я теперь буду их втягивать?

Он сделал еще шаг, снова приподнимая руки. Я подобрался и, проскрежетавав бесполезными железками на лапах, опять прыгнул на него...

На этот раз я даже не почувствовал удара, очнулся – лежу в собственной рвоте. Это было так унижительно, что я чуть не завыл от стыда. Он шагнул еще и встал прямо надо мной. Я не смог разглядеть лицо под капюшоном, но, если оно было, уверен, что он улыбался. Не торжествующе, нет, – снисходительно. Так улыбаются нахальному мальчишке, показав свое превосходство.

Я подтянул передние лапы и кое-как выпрямил их, приподнялся. Оперся на толстый удобный хвост и посмотрел ему прямо в черный провал капюшона. Ты рано улыбаешься, и ты напрасно подошел так близко. Я, конечно, хочу еще пожить, но для чего-то определенного, а не разжиревшей шавкой на поводке. А ваше время кончается... считай, что кончилось! Я открыл пасть, будто и впрямь собрался завывать. По пищеводу поднималось что-то раскаленное, колючее. Словно я проглотил солнце, и теперь оно нашло выход. Солнце заполнило всю глотку, и дышать стало нечем.

В последнее мгновение он, видно, что-то понял и отшатнулся. Но поздно... Раздирая мне пасть и плава зубы, солнце рвалось на свободу.

– Годовщина Курской дуги сегодня все-таки. Он ведь совсем мальчишкой там в танке горел, – Петровна смахнула слезу, – вот друзей вспоминал. Да и прихватило.

– Ладно, – Екатерина Ивановна убрала шприц и поднялась с табуретки, – пусть лежит, не встает. А утром в районную позвони...

На улице она пошарила по карманам в поисках папирос. Забыла... Придется домой подниматься, пять пролетов вверх! Потом уж вниз ни за какие коврижки! А хотелось посидеть тут немножко перед сном.

А вот я Наташку дожусь и попрошу ко мне сбегать, решила Екатерина Ивановна.

Набегавшие тучи съедали звезды, зашумел ветер. Опять гроза, что ж – июль, знамо дело. Гроыхнуло так близко, что Екатерина Ивановна вздрогнула и решила дожидаться Наташку под козырьком подъезда. Шаркая валенками, она поднялась по ступенькам, но тут какое-то движение в углу двора привлекло ее внимание. Близоручко сощурившись, Екатерина Ивановна пригляделась: у дальнего подъезда сидел Амур, а перед ним, на границе света и тьмы, стоял кто-то в темном плаще – не плаще, в балахоне каком-то. Амур поднял морду, словно собирался завывать. Тот, в плаще, отпрянул, нелепо взмахнув широкими рукавами. Ослепительный шар раздулся и лопнул между ними брызгами нестерпимого света, заставив Екатерину Ивановну на секунду зажмуриться. И тут же гулкий раскат грома ударил по барабанным перепонкам. Тугой теплый ветер бросил ей в лицо пыль и опавшие листья. Потянуло грозовой свежестью.

Что же это делается, а?

– Амур! Амурчик!

Еще издали Екатерина Ивановна поняла, что у подъезда уже никого нет. На потрескавшемся асфальте выделялся темный, будто закопченный круг. Что-то блеснуло под ногой. Она наклонилась и подняла с земли обрывок ошейника с бляшкой.

Наташка ракетой вылетела из подъезда и, оглядевшись, подбежала к Екатерине Ивановне.

– А где Амур, баб Кать?

– Ой, не знаю, Наташ, – запинаясь, пробормотала та. – Как молния-то полыхнула, да еще гром вдарил, он гавкнул и кинулся куда-то. Видать, испугался.

– Да ты что, баб Кать, он же никогда грозы не боялся.

– Так грохнуло-то как! У меня самой аж сердце зашлось.

– Ой, ну что же делать? Потеряется ведь! – Наташка закусил губу, с надеждой оглядывая двор. – Амур! Амур!!

– Ты беги, матери скажи, вместе и поищем.

Первые крупные капли застучали по листьям. Наташка кинулась домой. Екатерина Ивановна поднесла к глазам обрывок ошейника и, протерев бляшку, долго на нее смотрела.

«АМУР»...

– Поискать мы, конечно, поищем, – прошептала она, – всё тебе легче будет, дочка.

Полосатый зверь умирал. Он лежал на боку и старался не смотреть на тушу огромной птицы, что поедали сейчас его сородичи. Он помнил, как первый бросился на фороракоса, как получил когтем в брюхо. Зверь знал, что будет дальше, но ни о чем не жалел, был спокоен и почти доволен.

Послышалось негромкое рычание и повизгивание. Зверь повернул морду. Несколько таких же, как он, остромордых и полосатых, опоздав к пиршеству, подбирались теперь к нему, поблескивая в клочьях утреннего тумана маленькими черными глазками. Ну, вот и всё. Зверь приподнялся на передних лапах, оскалил зубы и пополз навстречу.

И всё же он был доволен. Он знал, что за миллионы лет отсюда всё обошлось.

Александр Бачило

Дом на холме

Слово автора:

Едва узнав о существовании «радиопередачи, в которой читают фантастику», я поспешил отправить туда свои рассказы и был счастлив получить благоприятный ответ от Сергея Чекмаева. Циничный расчет подсказал мне, что слушатели аудиокниг – весьма внушительная аудитория, сравнимая с тиражами печатных изданий. Такими возможностями для публикации не пренебрегают. С тех пор я всегда высылаю рассказы Сергею, как только у меня появляется что-то новенькое.

В лице Влада Коппа и всей команды МДС каждый автор получает мощнейшего союзника в борьбе за симпатии читателей. Помимо достоинств самого текста, аудиторию покоряет артистизм исполнения, возможность зримо представить написанное. Это почти экранизация. В то же время слушать, а не читать, бывает просто удобно. Ведь в это время можно гулять, не натыкаясь на прохожих, рулить, делать уборку, ремонт, мастерить что-нибудь руками и даже укладывать детей спать. Да еще и с музыкальным сопровождением, которое в МДС всегда высшего качества. В общем, совершенно особый вид искусства.

Дом на холме

(выложен 23.05.2008)

Пока ехали в трамвае, Гошка заснул и просыпаться на нужной остановке категорически отказался. Марина еле протиснулась с ним к выходу под окрики утрамбованного народа. Мне с чемоданами и сумкой тоже пришлось нелегко. На нас косились неприязненно, с подозрением – уж очень мы были похожи на беженцев, а беженцы всегда раздражают. Особенно тех, кому бежать некуда...

Трамвай укатил. Мы остались одни посреди неосвещенной улицы. Никогда раньше я здесь не был и даже не знал, что в городе есть такое место. Позади нас тянулся бесконечный бетонный забор, а впереди темнела громада холма.

– Нам туда, – я показал на смутно прорисованную в небе вершину.

– Ох, – Марина перехватила Гошку поудобнее. – Ты уверен?

Я пожал плечами. Уже и не помню, когда я в последний раз был хоть в чем-то уверен...

– А где дом? – спросила Марина.

– Отсюда не разглядишь. Светомаскировка, наверное...

– Как же мы туда заберемся?

Я взялся за чемоданы.

– Пошли. Там видно будет...

К вершине холма вела растоптанная лестница с гнилыми досками вместо ступеней. Она пологими стежками из стороны в сторону штопала холм, отчего идти было ненамного легче, зато гораздо дальше. Мы совсем выбились из сил. Марина никак не хотела подождать, пока я затащу наверх чемоданы и вернусь за ребенком, ей было страшно оставаться в темноте с Гошкой на руках. В городе много разного рассказывали об этих окраинах. Мне и самому не терпелось добраться до чертова дома поскорее. Если бы оказалось, что я перепутал холмы и никакого дома здесь нет, мы бы, наверное, оба разревелись.

Но дом был. Серая унылая девятиэтажка в один подъезд, с плохо замаскированными, зато надежно зарешеченными окнами. Когда-то, в хрущобные пятиэтажные времена, такие небоскребы называли «свечками». На стоянке перед подъездом – несколько машин. Черт! Как это я не сообразил, что к дому обязательно должна вести дорога! Карабкались, как дураки, ноги били в темноте. Впрочем, по дороге, наверное, еще дальше, а машину теперь хрен поймашь...

Металлическая дверь подъезда производила солидное впечатление. Стрелковый глазок, бронированный домофон – всё, как положено. Я поставил чемоданы и набрал номер квартиры. Долгое время ничего не происходило. Гошка захныкал во сне, наверное, замерз.

– Тихо, тихо, маленький, сейчас пойдем баиньки! – шептала Марина.

Вот будет номер, если нас и на порог не пустят. Куда же нам тогда? Хоть в петлю...

Громко щелкнул замок. Я обрадованно ухватился за стильную металлическую ручку. Дверь нехотя поддалась. Из подъезда пахнуло теплом и кошками.

– Заползайте! – бодро скомандовал я.

Пока всё складывалось благополучно. Замызганные стены подъезда были покрыты незамысловатыми надписями вкривь и вкось. Кто-то плюс кто-то равняется пронзенное сердце, Жирный – лох и, конечно, смерть уродам. Вполне обычные надписи, вполне обычный дом. Вот только ни охранника, ни даже вахтерши здесь не оказалось.

Я снова поставил чемоданы – теперь перед дверью лифта. Ох, и наломался сегодня с ними – спина не разгибается! Кнопка вызова торчала бесформенным почерневшим огарком. Тоже знакомо. Я кое-как вдавил ее в стену. Прислушался. То ли трубы водопроводные гудят, то ли ветер гуляет в шахте. То ли все-таки что-то едет...

– Не работает лифт!

Я обернулся. По лестнице лениво спускался плотный мужик в спортивном трико и шлепанцах на босу ногу. Он на ходу откусывал от большого бутерброда с салом и жевал так же лениво, как шел. Всклобоченная шевелюра с проседью, небритая, опухшая рожа. Повязка на глазу. Черт его знает... Неприятный тип.

Я подхватил (в который раз!) чемоданы и направился к лестнице.

– А вы к кому? – Он и не собиравшись уступить мне дорогу.

– К знакомым.

– А в какую квартиру?

От сала губы его лоснились. Толстенный шмат на щедро выломанном из буханки куске хлеба пронзительно шибал чесночком и невольно притягивал взгляд. Свинство какое. При нынешних-то нормах выдачи!

– А вам, собственно, зачем? – спросил я.

– А затем, что я управдом, – веско сказал мужик, показав мне в подтверждение бутерброд. – У нас тут случайные люди не ходят. Время, сами знаете, какое. Глаз да глаз... – Он поправил повязку. – Так что за знакомые, где живут?

– В семнадцатой квартире, – пробурчал я.

Очень мне не хотелось говорить с ним на эту тему...

Управдом усмехнулся.

– Так бы сразу и говорили! А то – знакомые у них! В эмиграцию собрались?

Я вздрогнул. Его вопрос и напугал меня, и обрадовал. Больше, пожалуй, обрадовал.

– А это, правда, здесь? – осторожно спросил я.

Управдом не ответил. Укусив бутерброд, он разглядывал наши чемоданы.

– Вас кто прислал?

– Извините, – Марина поспешно подошла ближе, – мы обещали, что не скажем. И даже клятву давали. Зачем же подводить человека?

Управдом оглядел ее цепким сизым оком с головы до ног.

– А он, человек ваш, не предупредил, что ли, вас?

– О чем?

– О чем! Что с вещами нельзя!

– Н-нет...

– Ох, люди, люди... только о себе думают! – Он небрежно откинул крышку мусоропровода, швырнул бутерброд в темноту и снова грохнул крышкой. – Корабль ведь не резиновый! – наставительно продолжал он, вытирая руки об себя. – А желающих – ох как много!.. Пошли!

Из глубины своих трикотанов он вытянул связку ключей на длинном ремешке и отпер низенькую, обитую жестью, дверь под лестницей. За дверью было темно. Ступени круто уходили вниз.

– Чемоданы – в подвал, – заявил управдом. – Там слева на стенке выключатель. Да за собой не забудь вырубить! Как управитесь, заходите во вторую квартиру с документами, встанете на очередь.

– А большая очередь? – спросила Марина.

– Кому как. Некоторые вторую неделю сидят, да без толку!

Мы переглянулись. Час от часу не легче!

– У нас ребенок маленький! – сказала Марина. – Он и так уже плачет...

– Эх, гражданочка! – Управдом укоризненно покачал головой. – Тут взрослые мужики плачут, как малые дети! Кому ж охота оставаться на верную смерть? Своя рубашка к телу-то ближе... Чего там, в городе, слышно?

– Да ничего нового, – вздохнул я. – Ждут.

– Дождутся, – покивал управдом. – Барнаул-то, говорят, уже не наш...

– Черепаново ночью сдали, – сказал я.

– Ох, е-мое! Что ж это будет такое?! – Он заторопился. – Да бросай ты пожитки свои скорей! Мне идти надо!

Я торопливо спустился по ступенькам в крошечную тьму и, не выбирая места, сунул чемоданы к стене. Управдом ждал меня наверху, нетерпеливо позвякивая ключами.

– Всё! Валите во вторую, там список.

– А нам сказали – в семнадцатую, – робко заметил я.

– Ох, не знаю, не знаю теперь... – пробормотал управдом, – мало местов! Загробите мне корабль...

– А что это за корабль? – спросила Марина. – И где он находится? Как мы, вообще, туда попадем?

Управдом, уже поднимаясь по лестнице, обернулся.

– А вот за такие вопросы, дамочка, очень просто можно за дверью оказаться. И выбирайтесь тогда своим ходом, как пожелаете!

Квартира номер два оказалась жилплощадью в самом изначальном смысле слова «площадь». Она была устроена из двух, а то и трех объединенных квартир со сломанными перегородками, срубленными под корень унитазами и ваннами. В квартире не было ни щепочки мебели, ни одного, даже встроенного, шкафчика, ни стола, ни табуретки, не говоря уже о диванах и кроватях. И все-таки в ней было тесно. Люди сидели и лежали на полу вплотную друг к другу, ходили, перешагивая через тела, пили воду, присосавшись к единственному крану, торчащему из стены бывшей кухни. Кто-то, пристроившись на подоконнике, писал заявления. Галдели и плакали дети. Гошка сразу проснулся и тоже заплакал. Дух стоял нездоровый и застарелый.

– Боже мой... – прошептала Марина.

– Ничего, сейчас разберемся, – я стал пробираться к висющим на стене спискам.

Возле них толпилось человек десять, один что-то зачеркивал и надписывал шариковой ручкой.

– Запишите! – распорядился я. – Пехтеревы, три места.

Человек с ручкой обернулся и смерил меня взглядом.

– Собеседование прошли?

– С управдомом? Да, прошли.

– Блядь, – спокойно произнес человек. – С каким управдомом? В темную комнату вас водили?

– Э-э... в подвал, что ли? – не сдавался я. – Было дело!

Человек с авторучкой заметно терял ко мне интерес.

– Сидите и ждите собеседования, – он махнул рукой в неопределенном направлении.

– А как же они узнают, кого вызывать?! – забеспокоился я. – Вы ж не записали!

– А как ты узнал, куда нужно приехать? – спросил вдруг у меня над ухом голос с неприятной хрипотцой. – Сядь и не дребезжи!

Я отошел от списков и вернулся к своим. Гошка уже не плакал. Он стоял с независимым видом, держа маму за руку, чтобы не боялась, и делал вид, что не интересуется заводной собачкой.

– Ну как? – спросила Марина.

– Всё в порядке, – сказал я. – Скоро вызовут на собеседование.

– Гошка писить хочет.

– Госа писить... – задумчиво повторил сын, вздыхая о собаке, которой играла чужая девочка.

– Это мы сейчас! – Я склонился над лежащей рядом объемистой теткой. – Извините, где здесь туалет?

– То есть как это – где?! – неожиданно возмутилась она. – На улице, конечно! Под себя, что ли, гадить?! И так уже дышать нечем! На голову скоро нальют!

Она отвернулась, шумно пытаясь.

– Спасибо, – сказал я. – Ладно, пойдем, Гошка. Не будем ждать милостей от природы. Запасные-то штаны в чемодане остались...

На улице мы немного задержались. Гошке обязательно нужно было посмотреть на большую машину, которая с ревом выскочила на гору и, подкатив к подъезду, визгливо затормозила. Это был здоровенный джип, сияющий добрым десятком фар, несмотря на строгий приказ по городу о светомаскировке. Приказ, впрочем, совершенно бессмысленный. В этой войне еще ни разу не было воздушных налетов. А если и будут, так светомаскировка не поможет.

Из джипа долго никто не выходил.

– Масына сама приехала, – со знанием дела сказал Гошка.

Но тут дверца распахнулась, как от пинка, и на землю прыгнул тощий парень в длинном пальто, темных очках, с ежиком обесцвеченных волос, делающих его похожим на карандаш с резинкой на макушке. В руке он держал ополовиненную бутылку виски.

– Здесь, чё ли? – от общего презрения к человечеству он говорил в нос и будто сквозь сон.

– Смотря что, – ответил я.

– Так, я не поал, ты хто?! – сразу завелся он. – Самый главный тут, чё ли?

– Главный – внутри, – сказал я, чтобы отвязаться. – Пошли, сына!

– Стоять! – отпрыгнул парень. – Я тебя не отпускал. Здесь, чё ли, на корабль садиться?

Он был настолько пьян, что не мог быть слишком опасен. Я молча подхватил Гошку на руки и вошел в подъезд. Дверь за нами закрылась, но щелчка замка не последовало. На площадке у лифта курил управдом.

– Там пьяный какой-то, – сказал я. – Приехал на джипе, спрашивает, здесь ли на корабль садиться.

Управдом глубоко затянулся, неторопливо выпустил дым, щуя единственный глаз.

– Твое какое дело? – спокойно спросил он.

- Да нет, я просто, для информации... Нам бы собеседование пройти...
- Пройдешь еще, мало не покажется...

Дверь с улицы вдруг распахнулась, и в проеме появился пьяный, толкая перед собой огромный баул на колесах.

– Я не поал, – бушевал он, глядя прямо перед собой, – меня чё здесь, за лоха держат?! Ты!! – Он вдруг увидел меня. – Веди, давай, на корабль! Последний раз добром...

Управдом бросил окурок и, придавив его ногой, шагнул навстречу парню.

– С вещами нельзя!

– Да что ты говоришь?! – рассмеялся пьяный. – Ни с какими нельзя?

– Ни с какими, – упрямо сказал управдом.

– Утя-путя! – Парень явно от души веселился. – А с такими? – Он распахнул плащ и поднял автомат. – Ну? Обосрались?

Я загородил Гошку и стал осторожно отступать к двери второй квартиры.

– Давай, давай, батя, – сказал парень управдому, – шевели костылями! Показывай, куда идти!

– Ладно, пошли, – управдом с безразличным видом стал подниматься по лестнице. Пьяный тронулся за ним, стуча баулом по ступеням. Я живо запихнул Гошку в квартиру, юркнул сам и аккуратно прикрыл за собой дверь.

– Мама! Мы больсую масыну видели! – закричал он и запрыгал через ноги и спины лежащих к Марине.

– Ну как вы там? – спросила она. – Успешно?

– Вполне! – Я решил не трепать ей лишний раз нервы и ничего не сказал о парне на джипе. – Не вызывали нас?

– Нет. Одну только семью вызвали. Зато я уголок заняла удобный! Никто через нас перешагивать не будет.

Мы расселись на полу и стали ждать. В комнате стоял приглушенный гомон. Кто храпел во сне, кто кашлял, кто переговаривался вполголоса с соседями.

– На всех этажах так. Вповалку лежат. Некоторые и на площадке, а на седьмом – так даже в лифте. А на девятом пусто...

– Там темная комната. В нее по одному водят. Смотрят на тебя и решают, пускать на корабль или нет.

– Как это они смотрят – в темноте?

– Не знаю. Может, аппарат специальный...

Общительный Гошка быстро сдружился с трехлетней девочкой и всю ковырял ключом в спине заводной собаки.

– Ты знаешь, – тихо сказала Марина, глядя в сторону, – говорят, Евсино сдали...

– Кто говорит?

– Тут один... его вызвали.

– Откуда он знает?

– У него приемник иногда ловит разговоры по рации.

– Чьи разговоры?

– Не знаю. Случайные...

– Ну, разговоры, это еще не факт...

Я потрепал ее ободряюще по плечу. Евсино... Блин! Меньше часа на электричке... Где же этот их корабль? Как бы не опоздать...

– А еще ... – Марина смотрела в пол синими, совсем Гошкиными глазами, – ...говорят, будто их уже видели на окраинах Искитима...

– Ну, вот это уж точно, вранье! – отмахнулся я. – Тот, кто их видел, ничего уже говорить не может!

– Совершенно справедливо! – поддержал меня человек в пыльной шляпе и мутных очках. – Дурацкие слухи! За такие к стенке надо ставить! Это их шпионы специально распускают, чтобы вызвать панику.

– Что еще за шпионы? – Лежавшая по соседству бабка выпростала ухо из-под платка.

– Да те самые, что нефтекомбинат подожгли! – охотно объяснил мужчина в очках. – И жилые дома на Гусинке они же взрывали!

– Дома взорвались, потому что там плиты на газу! – сказали у окна. – Жильцы посбегали, а газ незакрытый бросили – вот и утечка.

– А вы откуда знаете? – ревниво спросил запыленный.

– А оттуда! Где плиты электрические, ни одного взрыва не было!

– Было, было! – прогудел бас из другого угла. – Только сообщать перестали.

– А по мне уж лучше так, чем этих дожидаться... Милое дело, сидишь дома – бах! И нет тебя.

– Да? А чего ж вы тогда на корабль проситься прибежали? Сидели бы себе дома!

– Да где он, тот корабль? Кто его видел?

– А ну тихо там, у окна! – раздался нервный окрик. – Из-за вас, дураков, всех за дверь попросят!

Разговор снова притих.

Мало, подумал я. Мало шансов. Как мы попадем на корабль? Как прорвемся через всю эту толпу? Я-то ладно, а Гошка? А Марина? Если начнется свалка, страшно подумать, что тут будет. Но даже если мы прорвемся. Допустим, прорвемся. Я зубами буду грызть всё и всех, но мы прорвемся. И что? Как, спрашивается, корабль, чем бы он ни был – подлодкой, самолетом или ракетой, – выберется из мертвого окружения? Да куда еще завезет? Впрочем, сейчас это неважно. Главное – попасть на борт. А шансов с каждой минутой всё меньше. И, пожалуй, единственный способ – идти, как тот бандюган – с автоматом. Он хоть и пьяный в стельку, а не дурак. И наверняка уже на корабле...

Хлопнула входная дверь, и я вдруг увидел его на пороге квартиры. Если бы не белобрысый ежик и не долговязая карандашная фигура, узнать его было бы трудно. Ни очков, ни плаща, ни баула на колесах, ни тем более автомата при нем не было. А главное – он был тих, подавлен и абсолютно трезв!

Осторожно ступая, он прошел к свободному пятачку в центре комнаты и сел, обхватив свои тощие коленки и уткнувшись в них лицом.

– Эй, новенький! – позвали его от списков. – Слышь, белобрысый!

Парень поднял голову.

– Собеседование прошел? – спросил всё тот же человек с шариковой ручкой.

Казалось, он знает ответ.

Белобрысый кивнул.

– Записывайся тогда. Как звать?

– Анальгин.

– Это что, имя или фамилия?

Парень пожал плечами и ничего не ответил.

– Ну, Анальгин так Анальгин... – человек вписал имя в захватанный листок. – Семьсот четырнадцатый будешь!

– Извините, а что там, на собеседовании, спрашивают? – поинтересовалась сидящая рядом с Анальгином женщина.

– Да ничего там не спрашивают! Хотя... – семьсот четырнадцатый задумался. – Хотя отвечать-то приходится...

– А вы что отвечали? – не отставала любопытная тетка.

– А что я отвечу? – Анальгин опять уткнулся в коленки. – У меня семья в городе осталась. Жена, сын...

– Как так – осталась?! – Женщина всплеснула руками. – Почему же вы их сюда не привезли?!

Все головы повернулись к белобрысому.

– Потому что нельзя мне домой! – Анальгин ударил кулаком в пол. – Ловят меня на них, как на живца!

– Кто ловит?

– Братва! Кто! Осатанели со страху. Приду домой – сразу мочканут. И меня, и Галку, и Дениску...

– А за что? – всё любопытствовала соседка.

Анальгин сплюнул на пол, растер каблуком.

– Ясно, за что. Слух-то давно ходит... Чтобы выжить, кровь нужна. А тут кто-то сказал – верняк. Положишь двух своих – спасешься. За две жизни одну выкупишь...

В комнате повисла тишина.

– Ну мы и раскинули по честнухе, – бормотал Анальгин, – кому жить, а кому – хватит. Да не мой вышел расклад. Выпало мне под нож, а что я им, баран? Вырвался, убежал. Теперь ловят. Галку звонить заставляют, домой звать, – он схватился за голову. – А я ж чувствую, что у нее голос неживой! Всё равно их кончат, хоть со мной, хоть без меня!.. – Клок белых волос остался у него в кулаке. – И что мне теперь? Одному спастись или идти, втроем подышать?!

Некоторое время все, кто был в комнате, молчали. Только у двери надсадно кашлял старик, уткнув лицо в шапку.

Однако что же это мы сидим, подумал я. Какие бы ни были тут трагедии и драмы, а факт остается фактом: человек, заявившийся после нас, уже прошел собеседование! Действовать, действовать надо! Найти управдома, пусть нас тоже ведет! А то я его и без автомата последнего глаза лишу!

– Будь наготове, – шепнул я Марине. – Как только мигну от двери, выбирайтесь с Гошкой незаметно.

– А ты куда? – испуганно спросила она.

– Не бойся. Просто потолкую с управдомом...

На площадке, к моему удивлению, царило лихорадочное оживление. Железная дверь была распахнута, напротив нее стоял грузовик с откинутым бортом. Какие-то серые, оборванные люди торопливо снимали с грузовика тяжелые ящики, затаскивали их в подъезд и спускали в подвал. На крыльце стоял управдом и делал отметки на клочке бумажки.

– Может, помочь? – деловито спросил я.

Управдом скользнул по мне глазом.

– Да нет, заканчиваем уже.

– А что это за ящики?

Он ответил не сразу.

– Тридцать два, тридцать три... всё, последний! Закрывай!

Вдвоем с управдомом мы закрыли борт, грузовик развернулся и укатил под гору.

– Это что, продукты? – снова спросил я.

– Да какое там! – Он рассмеялся. – Чудик один явился вместе с коллекцией каких-то камней! Всю жизнь собирал. Цены, говорит, нет! А мне – куда их? Хорошо хоть, что в подвал поместились! А то пришлось бы на улице бросить. Никак народ не поймет, что туда, – он значительно посмотрел на меня, – ничего с собой не возьмешь! Ни еды, ни денег, ни оружия...

– Вот как раз об этом у меня к вам разговор! – подхватил я. – Того парня с автоматом вы на собеседование уже пропустили, а я с семьей всё еще жду...

– Собеседований больше не будет, – сказал он, входя в подъезд.

– Как не будет?! – Я чуть не грохнулся на пороге, но догнал его и схватил за рукав.
– А так, – он добродушно похлопал меня по руке. – Не нужны они больше...
– А мы? Мы что, тоже... не нужны?! – Перед глазами у меня плавали какие-то рваные ключья.
Управдом вдруг расхохотался.
– Ну чего побелел-то? Не ссы! Всех берем! Безо всяких собеседований! Кто поверил и пришел – все спасутся!
– В каком смысле – все? – Я всё еще боялся выпустить его рукав.
– Да в таком! Что ж ты думал, на улицу кого-то выгоним? Так всем табором и поедем! Хозяева тоже сердце имеют!
– Чьи хозяева? – Я чувствовал, что плохо соображаю.
– Корабельные, чьи! И наши с тобой теперь, поскольку поступаем к ним на довольствие на неопределенный срок! Ну что, рад? – Управдом усмехнулся. – Не помри только от счастья!
– А к-когда... мы поедем... пойдём... попадем на корабль? – Я с трудом собирал в кучу разбредаящиеся слова.
– Вот придурок-человек! – Управдом хлопнул себя по ляжкам. – Ты что же, так ничего и не понял?! Ну, пойдём, объясню...

В квартире номер два стояла мертвая тишина. Все, даже дети, слушали меня, боясь упустить хоть слово. Только иногда кто-нибудь из особо непонятливых поднимал руку и осторожно задавал вопрос.

– Так что же, выходит, вот это всё и есть – корабль?
– Да, – сказал я. – Упрощенно говоря, корабль – это дом, где мы находимся. А точнее – область пространства, внутри которой находится дом. Эта область будет перенесена в другой мир... ну, в другое место. Вместе с нашими телами. Понимаете, перенесутся только живые тела, все вещи и даже сам дом останется здесь.
– Так мы там голые, что ли, будем? – спросил кто-то.
Я кивнул.
– Голые. По крайней мере, пока не обзаведемся новой одеждой.
– Да ладно! Шмотки – дело наживное, – подали голос от окна. – Ты скажи главное: точно – всех берут?
– Всех! Всех! Не волнуйтесь. Я же объясняю: переносятся все живые существа, находящиеся в пределах этой области пространства. Сколько будет этих существ – им безразлично.
– А кому это – им? – спросил пыльный мужчина в очках. – Не тем ли, с кем мы воюем?
– Да... – Я в раздумье прошелся вдоль стены.
Для меня торопливо организовали проход, подбирая ноги.
– Да. Это та же цивилизация, что нас уничтожает. Тот же вид... народ, что ли. Но другое племя. Понимаете? Они воюют между собой. Одни хотят нас истребить, а другие – спасти.
– Да можно ли им доверять? – вздохнул кто-то. – Куда они нас завезут? И что с нами сделают?
– Этого я не знаю. Но разве у нас есть выход?
На некоторое время снова установилась тишина.
– М-да... – произнес кто-то. – Сомнительно всё это...
– А я верю! – У двери вскочил вдруг мальчишка лет семнадцати. – Мы там наладим нормальную жизнь, детей нарожаем! И когда-нибудь вернемся. Только надо побольше народу захватить! Смотрите, сколько места еще! На лестницах, на площадках – везде свободно! Надо набить дом народом!
– Поздно, – сказал я. – Пока мы отправимся собирать народ, пройдет куча времени. Телефоны отключены, другой связи нет...

– Надо знак подать! – крикнул мальчишка. – О! Придумал!

Он выскочил за дверь. Некоторое время все недоуменно переглядывались, затем потянулись к выходу вслед за мальчишкой.

– Оставайтесь здесь, – сказал я Марине. – Гошку никуда не пускай. Не дай бог – давка!

На крыльце толпился народ. Паренек, выбежавший первым, возился возле Анальгинова джипа. Крышка с бензобака была сбита, из отверстия торчала длинная узорчатая полоска, скорее всего – галстук.

– Отходи! – крикнул мальчишка и чиркнул зажигалкой.

Синий огонек стремительно побегал к горловине бензобака. На крыльце вдруг появился сам Анальгин.

– Ты что это делаешь, гад?.. – недоуменно начал он, но в этот момент грохнуло.

Всех, кто не успел спрятаться в подъезде, окатило волной жара. Облако голубого пламени оторвалось от крыши машины и унеслось в небо. Джип запылал, как факел.

– Нормально! – кричал паренек, потирая опаленные брови. – Сейчас сами набегут посмотреть!

– Ах ты ж... – Анальгин налетел на него, сбил с ног и с размаху пнул в зубы. – Ты чё, в натуре?! Отморозок гребаный!

Я прыгнул на белобрысого сзади, обхватил, пытаюсь оттащить от мальчишки.

– Не смей! Дурак! На черта тебе теперь твой джип?! Туда его не возьмешь!

Анальгин больно ударил меня затылком по переносице, но я вцепился в него намертво.

– По херу мне джип! – визжал он в истерике. – У меня семья в городе осталась! А он чужих зовет! А мои... Дениска!!!

Анальгин вырвался, оставив у меня в руках клочья одежды. Он упал на колени возле оглушенного мальчишки, закрыл лицо руками и разрыдался, перекрикивая рев пламени...

Прошел час. Во всех квартирах, на всех этажах, на лестничных пролетах и в лифте плотной толпой стояли люди. Детей держали на руках. Было невыносимо душно, но никто не жаловался. Мы ждали. Гошка сидел у меня на плечах. Это место он предпочитал, пожалуй, всем остальным местам на земле. На Земле... Именно на Земле-то для нас больше нет места...

Толпа вдруг качнулась.

Пронесся сдавленный крик: «Управдом?! Где управдом?! Нету! Сбежал!»

– Там женщина какая-то голосит, – сказали от двери.

– Тихо! Дайте послушать!

Опять не слава богу, подумал я. Но что, черт их раздери, означают эти вопли?!

– Да я сама на карьере работала! – звучал где-то вдалеке пронзительный голос. – Если на ящиках треугольник, значит, это динамит!

Я сразу вспомнил тридцать три ящика, привезенных сегодня и сгруженных в подвал. Но был ли на них треугольник?

– Люди! Это обман! – закричал кто-то отчаянно. – Нас хотят взорвать!!!

– Дверь! Дверь откройте! Выходите все! На улицу!

– Не открывается дверь! Заклинило! Снаружи приперто, что ли...

– Пустите меня!!! А-а!!! Я боюсь!!

Толпа задвигалась, в ней возникали приливы и отливы, промоины и валы, накатывающие так, что люди едва могли держаться на ногах.

– Чего она там кричит, дура?! – заорал я. – Детей из-за нее передавим! Пускай сама в подвал спустится и посмотрит, что там за ящики!

– Все двери закрыты! – отозвались с площадки. – И в подвал, и на улицу! И управдом пропал!

– Да куда он денется! – Мне с трудом удавалось перекрикивать нарастающий вой. – Прекратить панику! Стоять всем на месте! Управдом на верхних этажах! А ну, пропустите! – Я,

прямо с испуганным Гошкой на плечах, стал продвигаться к двери. Марина, крепко ухватив меня за ремень, шла следом.

На площадке людские волны бесновались еще сильнее. Кто-то бился на полу в истерике. Сразу несколько ног вразнобой ударили во входную дверь и в дверь подвала. Подвальная рухнула первой. Несколько человек вместе с женщиной, поднявшей панику, ринулись вниз по лестнице.

– Пропустите меня! – кричал старичок с кургузой бородкой. – Я специалист! Я профессор химии!

Его пропустили, и он тоже исчез в темном проломе. Оттуда уже доносились какие-то звуки – не то истерические вскрики, не то визг выдираемых из ящиков гвоздей.

– Да успокойтесь вы! Сейчас всё скажут! Сейчас всё выяснится! – выкрикивал я, поворачиваясь направо и налево, пока меня самого не ткнули в бок:

– Тихо!

На площадке и в квартирах установилась относительная тишина. Сразу стали слышны шаги на подвальной лестнице. В развороченном проеме показался старичок профессор. Все смотрели на него и молчали, ни у кого не хватало духу задать первый и единственный вопрос. Маринина ладонь как-то незаметно оказалась в моей.

Старичок обвел нас растерянным взглядом, посмотрел зачем-то на часы... Наконец, до него дошло, чего все ждут.

– Нет, нет, – глухо произнес он. – Всё в порядке. Никакой опасности...

– А динамит? – всхлипнул кто-то.

– Да какой там динамит! – Старичок снова бросил вороватый взгляд на часы. – Всё в полном порядке. Сейчас стартуем...

– А ты откуда знаешь? – Вперед выдвинулся крепенький невысокий парень с боксерской стрижкой.

– А там, как раз, это... – профессор неопределенно поводит рукой. – Стартовый пульт, да.

– А ну, дай, я посмотрю, – парень шагнул к подвальной двери.

– Нет! – Старичок испуганно расставил руки, будто пытался закрыть собой пролом. – Поймите, это бессмысленно! Уже начался отсчет времени! Собственно, пошли последние секунды. Вот...

Он поднес часы к подслеповатым глазам.

– Десять. Девять. Восемь. Семь...

И все, кто стоял на площадке, и дальше, на лестнице, и выше, на всех этажах унылого серого дома, медленно отсчитали про себя:

Шесть...

Пять...

Четыре...

Три...

Два...

Один...

Старт.

Леонид Каганов Мамма Сонним

Слово автора:

Мне есть чем похвастаться: мне довелось стать первым автором, кто познакомился с «Моделью для сборки» вживую, явившись на эфир радиостанции. Представления об авторском праве в те годы только устаканивались на просторах страны, и не было толком понятно, что можно, что нельзя. «Модель для сборки» работала к тому времени уже не первый год, а в Интернете изредка бурлили недовольные авторы: мол, как это так, какие-то незнакомые люди нас читают, да вслух, да без спросу, да по радио, да денег не платят!

Я немного имел представление, каких огромных денег может стоить автору получасовая реклама на радио и какие копейки получают ведущие. Поэтому вступал в споры и пытался объяснить: ребята, это же прекрасно, что ваш текст прочли – на всю, так сказать, страну! После одной из таких громких дискуссий мне пришло письмо с предложением познакомиться с «Моделью». И вот однажды вечером я попал в студию, где рождалась «Модель», – красивый таинственный голос Влада читал с листа рассказ (на этот раз прямо мой), и всё это сопровождала таинственная музыка, льющаяся с пульта диджея Габовича. Это оказались прекрасные люди, и с тех пор мы дружим. В тот раз я спросил Влада, как ему пришла в голову мысль читать вслух для слушателей? Оказалось, читать он умел уже в детском саду, и воспитательница часто оставляла группу на маленького Влада, прося его почитать вслух книжку остальным... А в читательских отзывах на произведения, которые мне пишут, всё чаще звучит «я услышал» вместо «я прочел».

Мамма Сонним

(выложен 22–24.06.2009)

Когда болеет дерево, никто
Под ним не отдыхает у дороги.
А под здоровым деревом всегда
Прохожий ищет тени и приюта.
Но вот оно без веток, без листвы,
И на него теперь не сядет птица.

Сон Кан (Чон Чхоль), пер. А. Ахматовой

– Теперь тихо! – сказал Капитан. – Подъезжаем.

И разговоры смолкли на полуслове. Джип мягко сбавил ход и прижался к обочине шоссе. Из низкого кустарника торчали две ржавые стойки, между ними было распято узкое железное полотенце с белыми буквами на осыпавшемся голубом фоне «п/л КУКУШКА – 4 км». Сразу за табличкой в лес уходила асфальтовая дорога – ровно по габаритам лагерного автобуса, возившего когда-то пионеров. Страшно представить, что произошло бы, столкнулись тут два автобуса – одному бы пришлось пятиться обратно.

Джип качнулся и съехал с шоссе. Сразу под колесами угрожающе затрещало – дорожка была разбитой и запущенной. Из поседевшего асфальта пучками лезла жесткая летняя трава, валялись камни и сплюснутые жестянки. А стоило въехать в лес, появились корни, и асфальт

стал похож на куски кафеля, изжеванные гигантским животным и разбросанные как попало по лесной тропе. Джип медленно полз сквозь ельник. Справа и слева мелькали тяжелые хвойные лапы, а когда лапы на миг расступались, в темных провалах возникали сырые ямы, доверху заваленные мусором. Над ними стоял кислый запах ржавчины и пластика. Казалось, жители всей области привозили сюда хоронить скончавшиеся холодильники и комоды. А заодно, по древним варварским обычаям, клали в их могилы всё, что окружало монстров при жизни: старые кастрюли, пластиковые бутылки, тряпки и детские игрушки.

В одной из ям рылись две собаки – огромные, словно волки, грязно-бурой масти. Увидев джип, они прекратили рыться в куче, как по команде задрали морды, оскалили желтые клыки и проводили машину долгим понимающим взглядом.

– Останови через километр, – произнес Капитан и оглядел салон.

Всё в порядке. Ребята готовы. Спокойные, сосредоточенные лица. Не первый год вместе. Слаженная команда, понимают друг друга с полуслова. Много повидали, но всегда справлялись. Спецгруппа быстрого реагирования, чего тут говорить.

Ямы скоро кончились, по обочинам замелькал лес – сырой и чистый.

– Здесь стой, – обронил Капитан, и водитель тихо заглушил мотор. – Ким, выйдешь здесь. Гранатомет берешь ты. Задача: не выдавая присутствия, наблюдать за обстановкой. Докладывать. В огневой контакт не вступать. Гранатомет использовать только по моей команде. Контролируешь дорогу. Это на случай непредвиденного. Если они вызовут помощь или попытаются уйти. Давай!

Неразговорчивый Ким привстал, небрежно взял гранатомет за ствол и вышел наружу. Его низкая фигурка сразу исчезла в ельнике – даже ветки не качнулись. Команда проводила его молчаливым взглядом. Ким считался железным человеком.

– Заболодин, Касаев – идут на выход перед самым выездом на поляну. Петеренко, притормозишь. Разойтись, окружить здание. В огневой контакт – по моей команде. Либо по необходимости. Подъезжаем к зданию, сразу на выход все. Артамонов идет со мной, чуть впереди. Петеренко остается у машины, используя как укрытие. Вопросы?

Вопросов не было. Только Заболодин хмыкнул себе под нос:

– Дом Агиева с такими предосторожностями не брали...

Но Капитан услышал.

– Разговоры! – отрезал он. – Еще раз повторяю. Кто не понял. Здесь пропала группа Тарасова. В полном составе, без следов. Связь оборвана.

Заболодин уставился на Капитана. Остальные молчали.

– А ты думал, учебная тревога?

Заболодин молчал. Наступила пауза, и было слышно, как лесной сквозняк с тихим шепотом забирается в щели салона.

– Работаем! – кивнул Капитан.

Мотор взревел, и джип понесся вперед по корням и обломкам асфальта. Несколько раз его сильно потрянуло, словно могучие лесные кулаки били в днище, а потом скорость выровнялась, и удары превратились в глухую вибрацию. Затем джип резко притормозил. Касаев и Заболодин выкатились в ельник, прощально хлопнув дверцей. Машина снова рванула вперед, и вдруг всё кончилось – деревья расступились, открывая здоровенную поляну. В центре возвышался пятиэтажный корпус пансионата, бывшего пионерлагеря. Здание было выстроено на совесть и выглядело бы еще довольно молодо, если бы на каждом окне, на каждом клочке штукатурки не лежала печать заброшенности.

Асфальтовая дорожка вела прямо к козырьку парадного крыльца – мимо покалеченного шлагбаума, мимо пятачка стоянки для автобуса. Слева торчали останки спортплощадки – скелет футбольных ворот и ржавая лестница из толстых труб, устремленная в небо почти вертикально, – словно в небе разгорелся пожар, его полезли тушить, да так и не добрались. Справа от

дорожки была детская площадка – там виднелась дуга бывших качелей и раздолбанная песочница. В песочнице сидела девочка лет пяти с очень серьезным личиком, и это, наверно, удивило бы Капитана, если бы он умел удивляться во время боя.

Джип взревел последний раз и развернулся боком, глухо урча. Разом открылись двери – Петеренко выскочил из-за руля и укатился под джип, сжимая в руках штурмовик. Капитан и Артамонов выпрыгнули в сторону здания, но их движения и осанка тут же приобрели ту степенность, которая положена людям, собирающимся говорить, прежде чем стрелять.

Стрелять было не в кого. Капитан и Артамонов направились к песочнице, синхронно держа правые руки за отворотами курток.

Девочка не обратила на них ни малейшего внимания, и Капитан сперва даже подумал, что она глухонемая. На ней было красное платьице и белые сандалики, а редкие кудри украшал здоровенный бант. Девочка сосредоточенно тыкала совком в кучу старого песка, перемешанного с листьями и хвоей. Капитан подошел к песочнице первым. Девочка подняла на него взгляд – глаза у нее были непроницаемо черные и очень серьезные. Артамонов отошел на пару шагов вбок и тревожно оглядывал здание.

– Привет, малышка, – сказал Капитан и улыбнулся, показав крепко сжатые зубы.

Девочка не ответила, опустила голову и снова принялась ковырять совком, выстраивая песочный холм.

Капитан оглянулся на Артамонова. Тот взмахнул рукой и пальцами сложил в воздухе несколько знаков подряд: «Опасности не вижу, контролирую левое крыло и середину...» Капитан быстро скользнул взглядом по правому крылу – снизу вверх до земли. Особо внимательно кольнул взглядом куст сирени, прикрывающий угол дома. Тут тоже всё было спокойно. Капитан перевел взгляд на девочку и снова нарисовал на лице улыбку.

– И что ты здесь делаешь?

– МЕДВЕДЯ ЗАРЫВАЮ, – вдруг ответила девочка таким хриплым голосом, что Капитан вздрогнул.

– А взрослые где?

Девочка не ответила.

– Петеренко! – рявкнул Капитан в отворот куртки. – Укрой ребенка в машине! Вытани информацию. Не бей, но не церемонься.

И, не дожидаясь ответа, пружинисто направился к козырьку здания.

Дверь была распахнута, изнутри сочился влажный сумрак. В вестибюле на полу валялось несколько матрацев, и сквозняк гонял сухие листья. Капитан отпрыгнул в сторону и замер, вжавшись в стену. Артамонов, войдя следом, бросился на пол, перекувыркнулся, сгруппировался и замер в противоположном углу вестибюля. Дом дышал вековой пылью.

– Прикрой! – скомандовал Капитан и метнулся к лестнице.

На лестнице тоже валялся старый матрас, из его распоротого брюха ключьями торчала вата и солома. Капитан перепрыгнул его и пружинисто взлетел на второй этаж. Артамонов двигался за ним короткими перебежками – от стены к стене.

Здесь тоже не пахло человеческим жильем. Пахло ветром, лесом, корой и прелыми листьями. Вдоль коридора гуляли лесные сквозняки, а прямо напротив лестницы валялась маленькая детская кукла – грязно-зеленый крокодилчик с распоротым животом. Он лежал на боку и глядел на Капитана грустными пластиковыми глазами.

Капитан указал стволом штурмовика вверх и пошел дальше. Артамонов двинулся следом. Так они добрались до последнего, пятого этажа и прошли по его коридору. Дом был пуст. Возле одной из дверей Артамонов замер и вдруг резко распахнул ее. Капитан подскочил и заглянул внутрь.

Обычная комната, только железные кровати кто-то разобрал и свалил в углу. Стены измазаны бурой гадостью, потолок закопчен, по углам валялись бутылки и небольшие кости – то ли

собачьи, то ли козлиные. А посередине комнаты на желтом линолеуме нарисован скошенный пентакль. В середине пентакля в оплавленных лоскутах линолеума чернело старое костровище с торчащими во все стороны головешками и обрывками недогоревших газет.

А вокруг пентакля разбросаны маленькие детские игрушки – пластиковые зайчики и поросята, плюшевый слоник, несколько солдатиков и голенастая кукла без одежды. Капитан посмотрел вверх на закопченный потолок, а затем глянул в разбитое окно – прямо в тусклое лицо заходящего солнца, сползающего в ельник.

– Здесь давно никого нет, – произнес Артамонов и плюнул в центр пентакля.

– Здесь нет и группы Тарасова, – возразил Капитан. – Будем искать следы.

Он задумчиво подошел к окну, взялся рукой за отворот куртки и негромко произнес:

– Петеренко! Что говорит ребенок?

Ответа не было.

– Петеренко! – повторил Капитан.

Ответом была тишина, только за спиной слышался тихий вой сквозняка. И тут ему на плечо легла рука.

Капитан резко обернулся, но это был Артамонов. Только глаза у него сейчас стали круглые и испуганные, он не мигая смотрел в окно. Капитан повернулся к окну и сперва даже не понял, в чем дело. Чего-то не хватало в пейзаже – вроде на месте был и лес, и уходящее солнце, и асфальтовые дорожки, и разбитая спортплощадка с песочницей... Не хватало только джипа. Капитан мог поклясться, что звука уезжающей машины за всё это время не было, но вот в какой момент исчезло ворчание мотора на холостых оборотах – этого он, к своему удивлению, тоже вспомнить не мог.

– Замереть! – шепнул Капитан, отпрыгнул назад и тревожно вытянулся.

Артамонов отпрыгнул и замер с левой стороны окна. Несколько минут они стояли друг перед другом навтыжку, как курсанты в карауле. В воздухе разливалась безмятежная, спокойная тишина. Сонно шуршал ельник за окном, и тихо пели сквозняки в коридорах. Наконец во дворе раздался тихий скрежет, словно кто-то тяжелый шел по снежному насту. Затем снова и снова. Капитан сжал зубы, многозначительно глянул на Артамонова, медленно поднял ствол и снова выглянул в окно.

В песочнице сидела девочка и тыкала совочком. Совочек входил в песок с тихим скрежетом, девочка сосредоточенно раскапывала холмик, и теперь оттуда торчала бурая лапа плюшевого медвежонка.

Неожиданно в наушнике раздался голос Кима.

– Капитан, у меня всё тихо, – сообщил Ким. – Что у вас стряслось?

– Пропал джип, – сказал Капитан шепотом. – Не проезжал?

– Никто не проезжал.

Капитан решительно тряхнул головой и рывкнул в воротник:

– Заболодин, Касаев! Живы?

– Жив, – тут же откликнулся Касаев. – Вижу Заболодина.

– Я в порядке, – сказал Заболодин.

– Касаев, где наш джип?! – рывкнул Капитан.

– Мы с тыла здания, – ответил Касаев. – Отсюда не видно. Но я ничего не слышал.

– А я уже на углу, – сообщил Заболодин. – Вижу поляну. Джипа не вижу. Вижу грузовик.

– Какой грузовик?! – Капитан осторожно высунулся.

Действительно, приглядевшись, он увидел на месте джипа маленький игрушечный грузовичок. В кузове сидел резиновый пингвинчик.

– Б...!!! – с чувством произнес Капитан так громко, что девочка прекратила тыкать совком, подняла голову и уставилась снизу на Капитана черными немигающими глазами.

Капитану стало не по себе, и он отшатнулся от окна.

– Что же это? – спросил Капитан растерянно.

Но в следующий миг взял себя в руки, кивнул Артамонову на дверь, чтоб прикрывал на случай атаки, а сам выдернул из кармана спутниковый трансивер. По инструкции, это надо было сделать уже давно, с самого начала. Артамонов метнулся за дверь и встал у стены коридора, тревожно стреляя глазами вправо-влево.

Капитан выдернул антенну на всю длину и нажал вызов.

– Центр! Объект пуст! Пропал джип и Петеренко! Пропал джип и Петеренко! Центр!

В трансивере стоял тихий ровный шумок.

– Ситуация неопределенная... – сказал Капитан после долгой паузы. – Центр?

Трансивер молчал. Это было невероятно, но военная связь отказала. Капитан на всякий случай глянул в небо за окном, но, конечно, никакого стального купола там не было – свежее, настоящее небо. И где-то там, в вышине, торчали спутники.

– Ким! – скомандовал Капитан дрогнувшим голосом. – Уйти! Выбраться живым и доложить в центр!

– Приказ понял, – тихо отозвался Ким в наушнике.

– По обстоятельствам стреляй, – добавил Капитан.

– Понял, – ответил Ким на выдохе.

– Заболодин, Касаев – подняться в здание!

Капитан глянул на часы. Солнце еле-еле пробивалось сквозь ветки, на поляну со всех сторон опускался тяжелый сумрак. Далеко за ельником тоскливо взывала собака и смолкла.

– Вошел в здание, – сообщил Заболодин. – Опасности не вижу, двигаюсь наверх.

– Ребенка брать? – спросил Касаев.

Капитан снова осторожно выглянул – Касаев стоял в центре песочницы, держа девочку на руках.

– Да, – сказал Капитан, секунду помедлив.

Касаев тут же метнулся к зданию и пропал под козырьком. А еще через секунду оттуда вышла девочка, волоча за хвост длинного плюшевого удава. Голова удава безвольно моталась по земле, поблескивая двумя черными бусинками.

– Касаев... – тихо позвал Капитан.

Касаев не ответил.

– Касаев!

Ответил Ким.

– Жив, двигаюсь к трассе, – сообщил он мрачно.

– Жив, двигаюсь по второму этажу, – тут же откликнулся Заболодин.

Касаев молчал.

И тогда Капитан сделал то, что ему подсказывала интуиция. Он аккуратно поднял ствол, с ходу переводя на одиночные, и когда на линии огня возник затылок девочки с бантиком, аккуратно нажал спуск. Хладнокровно, без колебаний и без эмоций. Вдруг поняв, что это правильно.

Сдавленный хлопок штурмовика разнесся по комнате, метнулся эхом по коридорам и увяз в тишине. Капитан знал, как всё должно произойти: голова девочки аккуратно дернется, словно от короткого подзатыльника, затем подогнутся ноги, и она упадет лицом в песок. Но почему-то он уже был уверен, что этого не произойдет. И поэтому внутренне обмер, когда голова девочки все-таки дернулась. Убить ребенка, даже во время операции... Но девочка не упала. Она обернулась, подняла голову и уставилась на Капитана черными пустыми глазами. А затем неестественно широко распахнула рот в гигантской улыбке, как это бывает только в мультфильмах. И так, с распахнутым алым ртом, вдруг завывала на весь лес – хрипло, оглушительным сочным басом, с колокольными перекатами. И в такт ей загудели сквозняки по всему зданию и далеко в ельнике заорали собаки.

Капитан отшатнулся от окна, машинально переводя штурмовик на стрельбу очередями. Время замедлилось. Казалось, прошла целая вечность. Наконец вой так же резко оборвался.

– Артамонов жив, – раздался голос Артамонова одновременно в наушнике и за спиной.

– Ким жив, – сказал Ким.

– Заболодин жив, – сообщил Заболодин. – Нашел на третьем этаже место огневого контакта. Шесть гильз и очередь на потолке. Крови нет, следов борьбы нет. Гильзы наши, здесь был Тарасов.

Капитан помолчал немного, а затем все-таки произнес:

– Капитан жив.

И только после этого выглянул в окно. Девочка теперь сидела на качелях, словно окаменев, и механически покачивала ногой. Капитан сунул руку глубоко за пазуху – под комбез, под бронник, под гимнастерку – и там, на волосатой груди, нащупал маленький серебряный крестик.

– Заболодин жив. Иду наверх, – прозвучало в наушнике.

– Артамонов жив, – раздалось в наушнике и одновременно за спиной.

– Ким жив. Вышел на опушку к зданиям, – раздалось одновременно в наушнике и – тихо-тихо – вдалеке за окном.

Капитан тут же выглянул – у самой кромки ельника стоял Ким, сжимая гранатомет.

– Ким, стоп! – шепнул Капитан в микрофон. – В лес!!!

Фигурка метнулась назад и исчезла в ельнике.

– Что случилось? – спросил Ким в наушнике.

– Идиот!!! – прошипел Капитан. – Я приказал уйти, а не подходить к «Кукушке»!

– Я ушел к трассе, – ответил Ким не очень уверенно. – Вижу здание. Вижу ребенка на качелях... Здание заброшенное... В разбитом окне на пятом... человек?

– Твою мать, это я! Ты вышел к «Кукушке»! Бойся девочки! Убирайся вон! К трассе!

– Понял, – сказал Ким.

Капитан еще долго глядел в ельник, но там не было движения.

– Заболодин жив, – сказал Заболодин. – Поднялся на пятый, вижу Артамонова в конце коридора.

– Артамонов жив, – сказал Артамонов. – Ко мне приближается Заболодин.

Капитан еще раз окинул взглядом загаженную комнату и сильнее сжал крестик. А затем решительно вышел в коридор. Заболодин и Артамонов уже ждали его. Хмуро кивнув им, Капитан подергал соседнюю дверь. Та была заперта. Капитан шагнул к следующей – тоже заперто. Тогда он умело стукнул плечом, ловко подхватил вылетевшую дверь и прислонил ее к стенке. В этой комнате было чисто, окно целое, кровати аккуратно застелены и подушки торчали на них пирамидками. Капитан хмуро обернулся:

– Ну, заходите, чего на пороге столпились?

Артамонов и Заболодин переглянулись, но вошли. Капитан сел на кровать, задумчиво взял треугольную подушку и положил ее на колени. Штурмовик положил рядом. Артамонов тревожно оглянулся на коридор, но Капитан взглядом приказал сесть.

– Ким! – сказал он в воротник. – Доложишь так: объект заброшен, исчез джип и Петеренко, исчез Касаев. По объекту ходит девочка – нечеловеческая. Огонь на поражение не действует. Ситуация не укладывается. Не укладывается... – повторил он задумчиво.

– Понял, – ответил Ким. – Двигаюсь к трассе.

– Так. – Капитан оглядел комнату и сложил руки на подушке. – Погибли Петеренко и Касаев. Ушел Ким. Нас осталось трое. Какие будут предложения?

– Первое предложение, – негромко, но внушительно сказал Артамонов, – восстановить контроль над коридором. Такая полная беспечность приведет...

– Валяй, – уныло перебил Капитан.

Артамонов тут же выскочил из комнаты и занял оборонительную позицию.

– Ну, – Капитан перевел взгляд на Заболодина, – а ты чего скажешь?

– Нет идей, – потряс головой Заболодин и тревожно сжал свой штурмовик.

– Вот и у меня нет идей.

Капитан снова вынул трансивер и повертел его в руках. Трансивер молчал.

– Ким жив, – тревожно раздалось в наушнике. – Двигаюсь к трассе.

– Мы тоже пока живы, – сказал Капитан и умолк.

– Может, пора рассказать, что здесь случилось и зачем нас подняли? – хмуро произнес Заболодин.

– Я объяснял перед выездом, – вздохнул Капитан. – Меня вызвал генерал. Велел поднять по тревоге группу и взять под контроль объект. Всё, что я успел узнать про «Кукушку», – тут был пионерлагерь, а затем пансионат. Прошлым летом начались неприятности, стали пропадать люди. Оборвалась телефонная связь, исчез персонал и отдыхающие, затем пропали несколько местных. Ушли сюда и не вернулись.

– И никто не возвращался?

– Некоторые возвращались. Те, что возвращались, говорили, что объект пуст и заброшен. Но внутрь они не входили. Грибники. Затем приехал наряд милиции – исчез.

– Вот этого я уже не слышал... – вставил из коридора Артамонов.

– Поползли слухи, но дело замаяли. Приезжали следователи из прокуратуры – осмотрели, прошлись по этажам, ничего не нашли и вернулись, оставив наблюдение. Наблюдение исчезло в тот же вечер. Недавно сюда отправилась группа сатанистов – по оперативным данным, не возвращались. Наконец генерал отправил группу Тарасова с полной выкладкой. Связь утеряна, никто не вернулся.

Воцарилась тишина.

– А может, надо было всё это раньше сказать?! – зло рявкнул Артамонов из коридора. – Я бы хоть с женой попрощался, знать такое!!!

– Тихо!!! – прошипел Капитан. – Прекратить панику!!!

– А чего мы ждем?! Бежать надо!!! – вскочил Заболодин, но тут же осекся и продолжил: – И докладывать...

– Прекратить панику! – снова прошипел Капитан. – Уходит один Ким, ему нужно время. Мы – отвлекаем.

– Кого отвлекаем? – спросил Артамонов. – Кого?!

Капитан ничего не ответил. Артамонов заглянул в комнату.

– А если она сюда поднимется?! – прошептал он, выкатив глаза.

– Капитан! – раздался в наушнике голос Кима. – Она закольцована! Я опять вышел к «Кукушке»!

– Кто закольцована?!

– Дорога, – ответил Ким немного смущенно. – Пятьдесят метров вглубь от поляны и... я нашел место, где всё начинает повторяться.

– Объясни! – потребовал Капитан.

– Там... как зеркало, – мялся Ким, подбирая слова. – Там, если встать на дороге, то вперед и назад стоят одинаковые деревья, и в какую сторону ни посмотреть – видна «Кукушка»...

– Так уйди с дороги! – скомандовал Капитан.

– Пробовал, в лесу то же самое. Пятьдесят метров вглубь – и как зеркало местности. «Кукушка» – опушка – «Кукушка» – опушка. До бесконечности.

– Но мы же приехали сюда откуда-то?! – рявкнул Капитан. – Или мы здесь родились?!

– Продолжать попытки?

– Продолжай. – Капитан повернулся к Артамонову. – Вот видишь. Не в девочке дело...

– Кэп... – тихо сказал Заболодин. – А это не похоже на галлюцинации? Отравление какими-нибудь психоактивными...

Капитан задумался.

– Не похоже, – помотал он головой. – И вообще, Ким-то не подходил к «Кукушке».

– Но ведь Ким и... – начал Заболодин, но задумался. – Тогда я не вижу вообще никакой логики!

– А здесь нет логики, – хмуро кивнул Капитан. – По-любому нет. Никто не заинтересован в происходящем. Никто здесь не скрывается. Никто не борется за это место.

– Кому принадлежит «Кукушка»?

– «Кукушка» принадлежала КБ «Металлопроект», – поморщился Капитан. – Его давно не существует. Никто не борется за «Кукушку». Ни один политик не сделает карьеру на этих событиях.

– Люди не могут исчезать бесследно, – твердо сказал Заболодин и замер с открытым ртом.

– Они не исчезают, – возразил Капитан. – Они...

– Собака! Тварь! Мразь! – Заболодин со злостью бил кулаком подушку, затем остановился, тихо произнес «Ой...» и начал стремительно съеживаться.

Всё произошло в одну секунду. Капитан моргнул. Перед ним на кровати лежал сиреневый ослик из шершавого пластика.

– Артамонов! – прошептал Капитан, не отрывая взгляда от ослика.

Но встревоженный Артамонов и так уже стоял на пороге комнаты. Он непонимающе поглядел на Капитана, затем на соседнюю кровать. И замер.

– Что с Артамоновым? – резко спросил Ким в наушнике.

– С Артамоновым порядок, – ответил Капитан. – Погиб Заболодин.

– Как же это так? – прошептал Артамонов.

Капитан метнулся к окну. Девочка сидела на качелях. Она наполовину сползла и задумчиво ковыряла землю сандалией.

– Вот так... – сказал Капитан обреченно. – Вот так. Никак. – Он тут же взял себя в руки и требовательно обернулся. – Артамонов! Осмотри его!

– Кого? – шепотом спросил Артамонов.

– Его. – Капитан кивнул на ослика.

Оглянувшись на Капитана, Артамонов опасливо приблизился к ослику. Ослик лежал на боку, его мутные пластиковые глаза смотрели без выражения. Артамонов взял его в ладони и аккуратно повертел в руках. Затем сжал. Ослик пискнул. Артамонов перевернул его и осмотрел встроенную пищалку.

– Сделано в Китае? – спросил Капитан и почувствовал неуместность этого вопроса.

– Написано «ОТК-27», – прищурился Артамонов. – Обычный ослик, у моего младшего такой же.

– Такой же?

– Только зеленый.

«Если выберемся – похороним с почестями», – подумал Капитан, отворачиваясь к окну.

Девочка сидела на качелях. Солнце зашло, и теперь светило лишь небо над ельником. На опушке снова стоял Ким, и по тому, как он стоял – открыто, не скрываясь, – Капитан понял, что Ким совершенно растерян и раздавлен.

– Ким! – негромко позвал Капитан. – Не стой, поднимись в здание.

Ким двинулся вперед, пожав плечами – тоже очень несвойственный для него жест. Путь его шел мимо качелей, но он специально сошел с тропинки, чтобы обойти подальше, метров за двадцать. Девочка заметила Кима, подняла голову и уставилась на него.

– Не останавливайся, – быстро предупредил Капитан на всякий случай.

Не вставая с качелей, девочка вытянула руку в сторону Кима – четыре пальца растопырены, большой прижат. Так поднимает лапу кошка.

Ким не оглянулся, хотя наверняка следил краем глаза. Он подошел к зданию и скрылся под козырьком. Девочка еще немного посидела с поднятой лапой, затем так же неестественно опустила ее, скособочилась и уставилась за ельник, в сторону закатившегося солнца. Капитану подумалось, что приезжать сюда лучше было с утра, когда светло. Возможно, по свету удастся и выбраться...

Сумрак сгустился окончательно. Девочка поднялась с качелей и тяжело опустилась на четвереньки. Капитан ощутил холодок – ему подумалось, что девочка сейчас поползет к зданию. Она действительно поползла, умело переставляя конечности, но не совсем к зданию – просто вдоль площадки. Капитан на секунду оглянулся на Артамонова – тот сидел на кровати, всё так же держа в руках ослика. А когда Капитан повернулся обратно, то вздрогнул. Девочки не было. И в том месте, где она только что ползла, двигался здоровенный косматый зверь, напоминавший медведя с растрепанным конским хвостом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.